

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

**Ричард Длинные
Руки – гроссфюрст**

«ЭКСМО»

2011

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – гроссфюрст / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2011 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-51286-7

Клинок выковывают из железа, раскалив докрасна, долго бьют молотами, однако закаленным становится, когда из жаркого горна суют в ледяную воду. Сэр Ричард, доблестный паладин, попадал как из колдовского огня в полымя дракона, так и под ледяной душ, когда приходилось позорно убегать, спасая шкуру под презрительными женскими взглядами... Но, может быть, именно так закаляется уже не рыцарь, а политик?

ISBN 978-5-699-51286-7

© Орловский Г. Ю., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	53
Глава 10	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – гротфюрст

*Неверно говорят, что Господь создал мир и человеку в нем жить.
Господь всегда в творении и продолжает его создавать. На этот раз –
руками человека.*

Часть 1

Глава 1

Конт Тулиэль подбежал, такой легкий, что трава не гнется под его изящными сапожками, уши торчат, лицо сияет, как солнышко, дивные удлинённые глаза горят восторгом.

– Вы эльф, – вскричал он ликующе, – вы эльф, сэр Ричард! Вы эльф из эльфов!.. Теперь никто не усомнится!

Я учтиво поклонился.

– Я же говорил, что весь из себя тонкий и нежный, хоть и глубоко в душе, а еще стихи читал как-то и где-то... даже сочинял, стыдно вспомнить!.. Мыться умею, хоть и страсть как не люблю это странное и ненужное дело, такой я деликатный, чувствующий, отзывчивый... особенно когда обедать зовут...

Мы оба повернулись к Синтифаэль, блистательной королеве, рожденной из Света и Солнца. Она уже пришла в себя и смотрит привычно надменно, глаза загадочно непроницаемы, прямоспинная, по светло-голубому платью нескончаемым потоком бегут от плеч к подолу и уходят в землю мириады искр, похожие на светящуюся воду, высокая золотая корона блистает на пышных волосах платинового цвета во всем величии, а ярко-синие шарики на зубчиках померкли и стали нежно-голубыми.

Строгие глаза чуть сузились, я увидел на краткий миг острое недоброжелательство, но она тут же отвела взгляд в сторону и произнесла через силу:

– Конт, распорядитесь начать сбор всех лучников. Полный запас стрел! А еще стоит послать к опушке разведчиков.

– Сделаю, – ответил конт и удалился так быстро, что вернее сказать – исчез.

Она повернулась ко мне, прекрасное молодое лицо словно бы стало старше за счет того, что сдвинула брови и посмотрела испытующе и с недоверием в глазах.

– Сэр Ричард?

– Счастлив был услышать ваши распоряжения, – ответил я искренне и поклонился тоже искренне, не мужчине же, женщине всегда пожалуйста, могу даже дважды, – вы все держите в своих изящных руках, Ваше Величество!

– Не в чужих же, – ответила она с непонятным выражением. – Когда, полагаете, ваш противник пойдет по этой дороге?

– Или сразу, – ответил я, – или очень-очень нескоро. Может быть, никогда. Ему велено ждать возможного вторжения людей с севера, со стороны королевства Варт Генц. Сюда может ринуться только по собственному решению.

Она нахмурилась.

– То есть нарушит королевское повеление?

– Да, – подтвердил я, еще не ощутив, насколько это для нее важно, – он откроет тем самым дорогу противнику, от которого должен защищать северную дорогу. Оправдывает его лишь то, что захочет выбить нас до того, как укрепимся в захваченной столице.

Она не спросила, как нам удалось захватить такой укрепленный город, чего я все время опасаюсь, не могу же рассказывать про тесное сотрудничество с их вечными врагами гномами, только покачала головой.

– Его ничего не оправдывает, – произнесла она чистым холодным голосом. – Приказы короля или королевы нерушимы!

Я поддакнул:

– Точно, Ваше Величество! И он будет наказан по заслугам. Ваши лучники выступят вершителями беспристрастного суда высшей и строгой этики.

Она вздохнула, произнесла с тяжестью в голосе:

– Но все же я очень не хотела влезать в такое... Правда, слово есть слово. Мы не люди, мы слово держим.

Я видел, что даже сейчас ищет пути отступления, заговорил торопливо и вдохновенно:

– Ваше Величество! Вы можете снять с себя эту тяжелую ношу.

Взгляд ее был полон подозрения, спросила холодно:

– Как? Это очередная ваша попытка обмануть нас?

– Нет, – поклялся я. – Токмо о благополучии эльфов и думаю, Ваше Величество! Спать ложусь – думаю, во сне думаю, и когда просыпаюсь – думаю. И сейчас надумал...

– Говорите, – сказала она раздраженно.

– Пусть ваши лучники, – сказал я вдохновенно, – кричат, выпуская стрелы: «Слава Ричарду Длинные Руки!.. Слава великому Ричарду!» Ну, еще что-нить придумайте лестное, я как-то совсем не против, когда меня хвалят, хотя я такой застенчивый, такой застенчивый... Это сразу снимет с вас вину, так как ответственность падет тяжким и просто невыносимым грузом на меня и мои хрупкие эльфьи плечи, а также почти горбатую спину. Именно я буду ответствен за эту массовую... показательную порку. И никто из людей не подумает на эльфов, Ваше Величество. С чего бы вдруг они начали кричать мне хвалу?

Она смирла меня злым взглядом.

– Да, действительно... Виконт Лихтеэль, распорядитесь!

Молодой эльф из ее свиты поклонился, на меня посмотрел с великим уважением, смешанным с ледяным презрением.

– Будет исполнено, Ваше Величество.

Я не могу забыть, что в битве при Азенкуре три тысячи лучников уничтожили шестьдесят тысяч тяжело вооруженных рыцарей. За четыре часа были истреблены начисто цвет и гордость Франции: пали все герцоги, графы, бароны, король чудом избежал плена, но все командующие армией погибли.

И кто уничтожил – простонародье, не имевшее даже доспехов, в руках лишь лук, а за поясом короткий топор. Помня о том ужасающем разгроме, я еще в Амальфи начал усиленно развивать производство композитных луков, а умелым стрелкам велел денно и ночью обучать новичков.

С эльфами получше, они прирожденные стрелки, а луки у них хоть и простые, однако в рост человека, древко прямое, из незнакомого мне дерева, а тетивы тонкие и звенящие при малейшем прикосновении.

Королеву окружили ее фрейлины, на меня поглядывают с брезгливым интересом, как на дикую гориллу.

– Ваше Величество, – напомнила одна, – вас ждут на приеме.

Королева кивнула.

– Иду. Сэр Ричард, оставляю вас... надеюсь, с вашей стороны больше неожиданностей не последует.

Я помотал головой.

– Что вы, Ваше Величество! Никаких. Я и есть неожиданность, все остальное – мелочи. Ждите хороших вестей.

Она кисло улыбнулась, и они удалились яркой стайкой, похожие на умело собранный букет, где красиво подобраны платья пурпурного цвета, оранжевого, синего, зеленого, желтого, серебристые и черные с крупными заездами...

Эльфийские лучники появляются из леса бесшумно. Не слышу приказов, но собираются в отряды, чего-то ждут, а потом быстро исчезают за деревьями.

Меня словно забыли, наконец конт Тулиэль примчался, запыхавшись, выпалил быстро:

– Разведчики говорят, войско людей на конях появилось у леса!

Я охнул:

– Уже? Надо спешить к опушке...

Он сказал успокаивающе:

– Еще далеко, а лес большой. Им нужно обогнуть его, раз уж не решаются углубляться.

На повороте дороги, по которой поскачут, задевая стремянами деревья, мы их и встретим.

– Еще долго?

– Если будут ехать быстро, – сказал он, – то окажутся через три-четыре часа.

Я свистнул, конт поморщился от варварского звука. С тяжелым грохотом примчался арбогастр, а Бобик сделал вокруг нас пару кругов и посмотрел с вопросом в коричневых глазах.

– Выступаем, – сказал я.

– Не торопитесь, – посоветовал конт и аристократически наморщил нос с красиво вырезанными тонкими ноздрями. – Там от дороги такая отвратительная пыль...

– Лес защитит, – утешил я.

Он кивнул с довольным видом.

– Да, лес – это все. Если хотите, можем идти, но не торопитесь, успеем.

Мы неспешно углубились в чащу, деревья здесь такие, что даже не знай я про здешних эльфов, сразу бы ощутил, что не сами по себе растут такие изысканные красавцы: высокие, могучие, с красиво расправленными ветвями, внизу где цветущий кустарник, где лужайки с мягкой шелковой травой, где цветники, все вроде бы в беспорядке, но чувствуется рука опытного планировщика, делающего диковатый мирок нарочито, что от натурального диковатого отличается, как небо от земли.

Я все восторгался лесом, помня, что похвала и лесть – два гостеприимных хозяина, только первый поит вдоволь, а второй спаивает, но конт вскоре начал говорить так приподнято и возвышенно, что вот оно, готов, и я аккуратно перевел разговор на обустройство их общества, на положение королевы, только о воинских силах не спрашивал, это насторожит, а все остальное интересно и полезно, конт же рад похвалам так, что чирикает обо всем, услышь королева – повесила бы немедленно, если у эльфов существует смертная казнь.

Наконец он прервал себя на полуслове, указал красивым розовым пальчиком, изящно-длинным, как у музыканта:

– Вон они... видите?

Я присмотрелся, хотел уже сказать честно, что ничего не вижу кроме леса, потом внезапно начал различать затаившихся эльфов. Они расположились за крайними деревьями вдоль длинной дороги, их стрелы будут поражать скачущих еще точнее, чем у лучников при Азенкуре, которых я вспоминаю с настойчивостью маньяка. А значит, не ожидающую здесь противников рыцарскую конницу герцога Ярлширского ждет очень неприятный сюрприз...

К счастью, страшная заря новых времен еще за горизонтом, хотя кровавый свет уже поджег облака, и всяк имеющий глаза да видит. Да только я один знаю, куда смотреть, и хотя сердце иногда сжимается в дурном предчувствии, но все-таки кто предупрежден – тот вооружен.

Конт Тулиэль оглянулся, отыскал меня взглядом.

– Приближаются!

Я удивился:

– Что, так далеко слышно?

– Эльфы видят хуже, – ответил он и добавил торопливо: – На дальность, но со слухом у нас все в порядке.

– А зачем лесным жителям зрение на дальность, – согласился я, – зато самых мелких мошек видите.

Он улыбнулся.

– Да, самых мелких. Даже тех, что плавают в воздухе, как рыбки в воде... Ого, да этих рыцарей больше, чем я думал!

Я приподнялся над кустами.

– Да где вы их видите?

– Пока только слышу, – объяснил он.

Я прислушался и тоже уловил далекий тяжелый грохот, еще даже не грохот, а нечто такое, что предвещает о приближении большой грозы, которая будет выворачивать с корнями деревья, опрокидывать телеги, срывать крыши, а деревья раскачает так, что на землю начнут падать птичьи гнезда.

Конт всмотрелся в мое лицо.

– Услышали?

– Да, – ответил я.

Он хмыкнул.

– Да, вы все-таки из эльфов. Люди так далеко не слышат.

– Я не услышал, – признался я.

– А как?

– Скорее, почуял.

Он посмотрел с уважением.

– Правда? Это даже важнее. Слух можно обмануть, чутье... надежнее. Только не все им обладают.

– Ну, спасибо, – пробормотал я. – Приятно... Так, а теперь уже и слышно! Господи, да вон же они!

Конт посмотрел в ту сторону, куда я указывал вытянутым мечом, спросил озабоченно:

– Судя по выражению вашего лица, их много?

– По четверо в ряд, – сообщил я. – Эх, дорога тут слишком хороша. Протоптали в объезд леса...

Земля отзывается далеким тревожным гулом, чуть позже я начал различать грозный топот. Пыльное облако растет, приближается, в нем заблистали искры, наконец показались скачущие всадники. Я напряг зрение, в руках переднего ряда длинные рыцарские копыя, головной отряд весь в полных доспехах и с кольчужными сетками на конях...

– Чего это герцог так осторожничает? – спросил я пораженно. – До столицы еще далеко...

– Кони устанут?

– Люди тоже, – ответил я. – Доспехи проще одеть перед боем. А так выдохнутся...

Конт внимательно всматривался в скачущих далеко на дороге всадников. Я не заметил на его лице удивления.

– Здесь небольшой поворот, – объяснил он. – Дорога вообще прижимается к лесу. Телеги колесами чуть ли не обдирают кору с крайних деревьев.

– Герцог что-то почуял? – спросил я. – Никто из эльфов не показался ему? Или что-то ощутил?

– Скорее второе, – ответил он. – У вас, людей, есть всякие хитрые амулеты... Лучники! Далеко прокатился как эхо его крик, повторяя это слово на разные голоса.

Я снял с плеча лук и наложил первую стрелу. Конт посмотрел уважительно.

– Думаете сразить герцога?

– Надеюсь, – ответил я.

– Тогда он ваш, – сказал он и крикнул: – Герцога не трогать!..

Конники приближаются с каждым мгновением, ветер срывает пыль с доспехов, и солнце играет на выпуклых панцирях, на плечах, на щитках, закрывающих руки, на шлемах.

Я натянул тетиву и, выбрав скачущего впереди всадника, повел за ним острием стрелы, выжидая, когда приблизится на расстояние выстрела. В нужный момент пальцы как будто сами выпустили кончик, я ухватил вторую, выстрелил, цапнул третью, и тут только воздух наполнился зловещим свистом эльфийских стрел.

Скачущий впереди всадник вздрогнул всем телом, его завалило на круп, повод выскользнул из ослабевших пальцев, и конь испуганно понес в сторону.

Конт закричал тонко и пронзительно:

– За Ричарда Длинные Руки!

Из-за деревьев раздались крики:

– За Армландию!

– За Ричарда!

– Ричард!

– Слава Ричарду!

Еще два всадника под ударами моих стрел вылетели из седел, конт покосился на меня со странным выражением в огромных глазах, я показал наглядно, что могу не только точно, мои стрелы бьют гораздо сильнее и дальше эльфийских.

На дороге все утонуло в грохоте копыт, падении тяжелых тел, криках боли, испуганном конском ржании и продолжающемся злобном шипении летящих стрел.

И все-таки конница не могла остановиться, да и не хотела, пусть даже десятки всадников уже корчатся на земле, кони вскакивают и, волоча по земле поводья, испуганно мечутся и загораживают дорогу стальному рыцарскому потоку.

Вслед за рыцарями скачут тяжеловооруженные всадники из простых, но элитных воинов. Этих мы выбили из седел еще легче, на земле катаются и стонут уже сотни раненых, суматоха все растет, но некоторые всадники в облаке поднятой пыли пробиваются через завал тел и устремляются на загнанных хрипящих конях дальше.

Бой показался мне долгим, несколько рыцарей, обнажив мечи, бросились пешими к лесу. Конт, побледнев, что-то прокричал тонким верещащим голосом, и на смельчаков обрушился град стрел.

Все они пали, только двое успели добежать до деревьев, но там, утыканные стрелами так, что стали похожи на разъяренных ежей, зашатались и опустились на землю.

Их самопожертвование дало возможность нескольким десяткам пробиться, закрываясь щитами, через гору трупов, там прищипорить коней и умчаться дальше.

Конт проговорил со странным оттенком в голосе:

– А могли бы повернуть... Уцелело бы больше.

– Столицу торопятся спасать, – пояснил я мрачно. – Уважаю.

– Что теперь?

– Остальные скоро попадают с коней, – сказал я. – Отдых нужен, как воздух. Видимо, почуяли как-то, что их тут ждет, потому разогнались, надеясь проскочить.

– Кому-то удалось, – заметил он.

Я отмахнулся.

– От них уже нет угрозы. Измучены, обессилены, многие ранены. Я раньше них вернусь в столицу, а там встретим.

Он зябко передернул плечами.

– Наши уже ушли. Не могут смотреть на такое... И меня передергивает, чую запах крови, а это отвратительно. Извините, я тоже покину это место. А вы, наверное, пойдете грабить убитых?

Я покачал головой.

– Этим займутся ошастливленные крестьяне ближайших деревень. Оружие и рыцарские доспехи у них потом, правда, заберут, но монеты останутся. Как и разные приятные мелочи.

Он побледнел, зябко передернул плечами, лицо стало таким, будто вот-вот стошнит.

Я вернулся к арбогастру, Бобик встретил обиженным взглядом, я его приласкал, погладил по огромной голове, Зайчик ревниво заржал.

– Возвращаемся, – сказал я и снова обратился к конту: – Ее Величеству передайте, что в ближайшие же дни я объявлю Эльфийский Лес национальным заповедником. Нельзя будет не только охотиться в его чаще, но даже рубить деревья. А сучья разрешим крестьянам собирать только на опушке.

Он поклонился крайне учтиво, несмотря на бледный вид и вздрагивающие руки.

– Я все передам Ее Величеству в точности, – пообещал он.

– И мои уверения в дружбе, уважении, почтении... Ну, вы сами знаете, придумайте что-нить еще.

– Обязательно, ваша светлость!.. А вы сейчас...

– Отбываю в город людей, – объяснил я нетерпеливо. – Хотя я и эльф, но мы же должны нести истину всем существам на свете?

Он пробормотал нерешительно:

– Да, но...

– Что, – удивился я, – люди недостойны?.. Да, знаю-знаю, что недостойны, но чаще всего как раз из самых недостойных детей Господа и вырастают пророки.

Он сказал торопливо:

– Нет-нет, я о другом...

– Слушаю, – сказал я.

– Но как же, – проговорил он, – Гелионтэль, к которой вы стремились так страстно и безумно?

Я отмахнулся.

– Переспим в другой раз. Некогда-некогда.

Эльфийский Лес когда-то был гораздо больше нынешнего, армии людей время от времени вторгались в него, но всякий раз терпели поражения. Частью от стрел, но чаще тонули в болотах, погибали от укусов множества змей... Тогда короли объявили медленное наступление на сам Лес: жители окрестных деревень подрубали кору на крайних деревьях, а когда те погибали и высыхали – жгли, отвоеванную землю распахивали.

Медленно, но люди – существа упорные – настойчиво продвигались так век за веком. Болота, лишённые защиты леса, высыхали, а земля, покрытая илом, всегда давала прекрасный урожай. Наконец от некогда великого Эльфийского Леса осталась едва треть, и хотя для племени эльфов места там с запасом, но это сейчас, однако эльфы живут тысячи лет и понимают,

лес исчезнет еще при их жизни, а им самим придется умереть мучительной смертью намного раньше...

И все-таки насколько же психика людей гибче, давно бы уже спохватились и что-то да придумали, а эльфы живут обреченно в ожидании конца своего мира.

Если я хочу сберечь их популяцию, придется в самом деле выполнить все то, что пообещал. Может быть, даже больше, еще подумаю. Пусть цветут все цветы, а эльфы – не худшее в мире.

Пес требовательно гавкнул впереди и остановился, ожидая нас. Арбогастр сбросил скорость, уже запомнил, в каких случаях карьером, а в каких – грунью.

Лес давно остался позади, дорога устремилась через ровную зеленую степь, а далеко впереди у излучины большого ручья блестит металл доспехов, обнаженное оружие, вздымаются дымки десятка костров.

Я рассмотрел, медленно приближаясь, отряд в сотню человек, некоторые расседывают и поят коней, большинство просто лежат на траве, в бессилии раскинув руки, только самые выносливые и обязательные, едва передвигая ноги, разжигают костры, достают из седельных сумок еду.

Я пустил Зайчика шагом, издали вскинул руки ладонями вверх. Бобик воспитанно идет рядом и приветливо помахивает хвостом, даже пасть предусмотрительно закрыл, уже знает, почему-то все бледнеют, как только увидят его зубы.

Навстречу поднялись двое, в руках короткие копья. Усталые, но с суровыми лицами, молча выставили перед собой блестящие острия и ждут, глядя исподлобья.

С пенька встал рыцарь в сильно помятой кирасе. Светлые волосы прилипли от пота ко лбу и жалкими прядями свисают на плечи, но глаза смотрят прямо и настороженно.

– Кто таков? – спросил он угрюмо.

– Я хотел бы переговорить с герцогом Ярджирским, – сказал я ровным голосом.

– Герцог занят, – отрезал он. – Я граф Мервин.

– И что?

Он повысил голос:

– Он занят, непонятно? Я за него.

– Сожалею, ваша светлость, – сказал я, – но мне, как эрцгерцогу, больше пристало говорить хотя бы с герцогом, если у вас нет благородных людей выше титулом.

Он посопел угрюмо, соображая медленно не столько от тупости, как от смертельной усталости.

– Это какой еще эрцгерцог? – проговорил он мрачно. – У нас нет эрцгерцогов...

– Я не знаю, – отрезал я холодно, – где это у вас, а здесь отныне хозяином изволит быть эрцгерцог Ричард Длинные Руки.

Он переспросил, еще не поняв:

– Кто-кто?

Я сказал громче:

– Эрцгерцог Ричард Длинные Руки готов милостиво принять вашу сдачу, чтобы не завершать полное истребление славного рыцарства королевства Турнедо.

Его глаза в ужасе расширились, руки дернулись, будто хотел броситься на меня, но я предостерегающе опустил ладонь на рукоять меча, а Бобик прижал уши и зарычал.

Офицер отступил на шаг, прокричал, не отрывая от меня все еще неверящего взгляда:

– Джон!..

От костра донесся усталый голос:

– Ваша светлость?

– Сбегай к герцогу! Узнай, может ли говорить?

– Чичас...

С поваленного ствола дерева тяжело поднялся воин, заковылял, прихрамывая, в сторону, где в тени деревьев расположились группы раненых.

Я ждал терпеливо, офицер тоже застыл, глядя то на меня, то на воина, что добежал до группы отдыхающих и начал быстро что-то объяснять, живо жестикулируя.

Там тяжело поднялся из группы мужчин высокий подтянутый воин без доспехов и шлема, грудь перевязана окровавленными тряпками, правая рука висит бессильно вдоль тела, но в лице видна неугасшая воля к победе, глаза смотрят устало, но сурово.

– Я могу, – ответил он густым хриплым голосом и сделал в мою сторону несколько нетвердых шагов. Его торопливо поддержали за плечи. – Что случилось?

Офицер нервно вскрикнул:

– К вам... для разговора!

– Я слушаю, – произнес герцог, как понимаю, это он. – Кто этот человек?

Офицер, назвавшийся графом Мервином, прокричал:

– Это... это сам Ричард Завоеватель!

Мужчина остановился, долго всматривался в меня, затем подошел и встал рядом с графом. Еще двое подошли и держат обнаженные мечи наготове, все не отрывают от меня настороженных взглядов.

– Я команду этим войском, – произнес мужчина и добавил горько: – Тем, что теперь осталось от некогда великого и грозного полка. Герцог Кристофер Ярлширский, коннетабль короля Гиллеберда, к вашим услугам.

– Ричард Длинные Руки, – ответил я, – но если вам ближе прозвание «Ричард Завоеватель», то оно тоже мне начинает нравиться, можете пользоваться. Уверен, оно появилось не сегодня?

– Это за победное вторжение в Сен-Мари, – ответил герцог с холодной любезностью, – что вы хотите нам сказать, ваша светлость?

– Я мог бы говорить, – сказал я, – как коннетабль с коннетаблем, ибо я он и есть, коннетабль королевства Фоссано, но особая доверительность разговора мне уже не нужна. Я, эрцгерцог, курфюрст и полный повелитель этой части королевства Турнедо, просто предлагаю сдаться. Все ваши титулы и звания будут сохранены. Как и земли. Столица, как вы уже знаете, захвачена моими войсками. С севера ускоренным маршем двигается армия короля Фальстронга, вы открыли ему дорогу, покинув вверенный вам пост. С юга наступают войска короля Барбароссы и короля Найтингейла. Ваш сюзерен просчитался, недооценив их решимость дать отпор... Война проиграна, сэр Кристофер!

Он смотрел угрюмо, бледное лицо осунулось на глазах, я видел, как его терзает боль, гораздо более сильная, чем раны.

– Как вам удалось провести лучников в Эльфийский Лес? – спросил он внезапно.

– Так же, – ответил я любезно, – как и всю армию. Не правда ли, после ночного марша в течение часа она очень красиво захватила якобы неприступную столицу? Все дороги были перекрыты войсками турнедцев, и вы, конечно, догадались, что мы могли пройти только через этот якобы непроходимый лес? К сожалению, должен сообщить, в суматохе при штурме столицы, а затем и дворца погибла вся королевская семья. Увы, дворец напрасно защищали так яростно... Ваш король теперь не имеет наследника, а Его Величество в таком возрасте, что они уже вряд ли появятся.

Он потемнел лицом, щеки опустились, а в глазах появилось затравленное выражение осознаваемого поражения.

– Это не вам решать, – проговорил он тяжелым голосом.

– Да, конечно! – воскликнул я. – Вы абсолютно правы, ваша светлость. Но нам решать, быть королевству Турнедо или нет... Так вот мы решили, что быть ему не следует. То есть королевство Турнедо перестало существовать, дорогой герцог! Земли его уже разделены сек-

ретным договором между тремя королями и мною, курфюрстом... можно даже сказать, великим курфюрстом, хотя и нет такого титула, но все в наших руках и в нашей власти. Как и водится среди победителей, верно? Подумайте о месте, которое вам придется занять в этом новом образовании.

Он спросил враждебно:

– Разделены? Война только началась! Королевство в состоянии отразить нападение и десяти соседей. Вы не забыли, что ваша Армландия уже под рукой Его Величества?

Я ухмыльнулся.

– Я мог бы взять Турнедо, а взамен оставить вашему королю Армландию, но... и ее не отдам. Сейчас короли Барбаросса и Найтингейл начинают вытеснять войска Гиллеберда и оттуда, с юга и юго-востока. С севера, как я уже говорил, движется огромная армия короля Фальстронга. Согласен, у вас был шанс ее остановить, но сейчас... когда из вашего войска уцелел лишь каждый двадцатый?

– Каждый десятый на ногах, – отрезал он. – И может держать оружие.

– Все равно, – возразил я сочувствующе, – это катастрофа.

Он возразил устало:

– Всех захватчиков остановим и погоним обратно. А вам, сэр Ричард, я настоятельно рекомендую немедленно удалиться. Иначе прикажу своим людям арестовать вас!

Я вежливо поклонился.

– Ухожу-ухожу. Гордые слова, герцог! Я восхищаюсь вами. Мне очень жаль, что столько молодых и сильных людей погибло... вот так глупо. Может быть, подумаете?

Он повернулся в сторону и позвал громко:

– Стража!

– Прощайте, – сказал я.

Арбогастр развернулся на месте, я невольно сдвинул лопатки, будто в спину уже вонзаются стрелы. Пес радостно бросился в указанном направлении, мы понеслись следом.

Глава 2

Остатки войска герцога Ярдширского так и оставались на том же месте несколько дней, отдыхая и залечивая раны. За это время, как докладывают разведчики, к ним присоединилось несколько дружин лордов соседних земель, что не очень-то и хорошо, мне такой патриотический порыв ни к чему, однако за это же время несколько десятков человек тайно покинули воинство, что не может не радовать.

Сэр Климент заподозрил нечто хитрое, велел схватить одного, потом другого, но оказалось, что люди устали и пали духом после неожиданного и ужасающего истребления стрелками Ричарда Завоевателя, засевшими в Эльфийском Лесу, отборного рыцарского войска под началом непобедимого герцога Ярдширского. И еще поверили, что война проиграна, потому многие вообще-то готовы бросить все и пробираться в свои земли.

Готовность сражаться сохраняют только те, кто прибывает к герцогу именно сейчас, еще не испытавшие сокрушительного удара эльфийских стрел. Кстати, кроме герцога уцелели и все высшие лорды, хотя по ним били особенно тщательно, но зная либо облачена в доспехи, выкованные гномами, либо в нечто старинное, передаваемое из поколения в поколение, а то и вовсе отысканное в руинах и подземельях погибших городов.

Древние оружейники знали некие тайные приемыковки или закалки, из-за чего не только стрелы, но даже тяжелые мечи не оставляют никаких царапин на таких доспехах. Только и надежда, что попасть в сочленение...

Я велел отпустить схваченных, пусть разносят весть о сокрушительном поражении войска герцога Ярдширского от лучников Ричарда Завоевателя, а также расскажут, что столица тоже захвачена им и король Гиллеберд низложен победителями.

Я осматривал, как идет постройка стены на месте провалившейся в землю, ко мне торопливо подошел барон Саммерсет, на нем все хозяйственные нужды по обороне, издали поклонился коротко.

– Барон? – сказал я.

Он доложил с тревожной ноткой в голосе:

– Ваша светлость... когда ждать подхода союзных войск?

Я спросил обеспокоенно:

– А что случилось?

– Пролом заделывается очень трудно, – проговорил он с тоской. – Это не пролом в стене, она ж вся ушла под землю!.. Приходится строить целиком...

Я поморщился.

– Как это целиком? Фундамент готов, только доразвивайте. Привлеките местных жителей, можно кнутом и пряником. Кто будет работать хорошо, тому платите за труд на благо общества... общество – это я, кто совсем упрется – рубите голову на месте за саботаж по законам военного времени... Отечество в опасности, а они будут всякое? Не позволим!

– Сколько у нас дней в запасе?

Я отмахнулся.

– Ни одного. Но не думаю, что придется выдерживать ожесточенную осаду. Пока местные лорды собирают отряды взамен тех, что ушли с Гиллебердом, подойдут войска короля Фальстронга.

– А как, – спросил он с надеждой, – насчет армии Его Величества Барбароссы?

– Тому будет труднее, – признался я. – Ему драться с армией самого Гиллеберда в Армландии, а потом пробиваться в Турнедо! Хотя, если разобьет Гиллеберда там, то можно и не пробиваться...

Виконт Рульф прислушался к нашему разговору, покрутил головой, а, уловив мой вопрошающий взгляд, заметил осторожно:

– Армия Гиллебедрa сильнее, вы сами говорили.

– Сильнее, – согласился я, – но в Армландии не вся армия. Гиллеберд не повторил моей ошибки, в Турнедо тоже оставил войска. Я сокрушил герцога Ярдширского, что защищал именно подступы к столице, но с севера есть еще могучие заслоны под руководством Вигфрида и Аттельстана, опытных полководцев. Король Гиллеберд не ожидал вторжения со стороны Варт Генца, однако береженого Бог бережет, и чтоб у Фальстронга не возникало соблазна, он демонстрировал там надежные гарнизоны в хорошо укрепленных замках.

– Фальстронг будет их осаждать?

Я покачал головой:

– Нет.

– Почему? – удивился он. – Фальстронг не захочет оставлять в своем тылу города с вражескими войсками за стенами!

– Фальстронг будет сбивать только отряды, – объяснил я, – что загородят ему дорогу. Он стремится к столице.

Барон внезапно просиял, а Рульф хлопнул себя по лбу.

– Ну да, ваш договор! Кто первый захватит столицу, тот получает право на две трети Турнедо!..

– Ради этого стоило постараться, – сказал барон.

К нам подошел сэр Волсингейн, настороженный, как всегда, оглядывающий всех из-под нахмуренных бровей.

– Сэр Каспар, – приветствовал его я.

Он поклонился.

– Ваша светлость?

– На вас возложена охрана порядка... и все прочее, что относится к ней или находится около. Потому проследите, чтобы собрали священников, какие есть в округе.

– Да, ваша светлость...

Я объяснил:

– Пусть очистят дворец от магии. Самым тщательным образом! Что-то я не заметил здесь ни одного распятия, это упущение срочно исправить. Завезти Библии и разложить в ключевых местах, а также отслужить литургии, изгоняющие бесов и всякое колдовство.

Тот сказал с беспокойством:

– Вы тоже почуяли?

– Что?

Тот покрутил пальцами в воздухе, изображая нечто неопределенное.

– Что-то такое в воздухе... И тени какие-то... У меня амулет достаточно мощный, но все не ухватывает. Да и понятно, короли могут себе позволить и магов сильных, и талисманы хитрые...

– Тогда вы тот человек, – сказал я, – кто отвечает еще и за безопасность дворца... по крайней мере, от враждебной магии. Действуйте быстро и решительно.

– Да, ваша светлость!

Он поспешно удалился, а за ним побежали трое громадных диковатого вина воинов в мохнатых шапках и душегрейках мехом наружу, горцев, что составляют большую часть его дружины.

Кабинет Гиллеберда укрыт десятками опаснейших заклинаний. Любой, кто решится войти без разрешения хозяина, в лучшем случае погибнет, а в худшем – искалеченный и растерзанный будет оставлен для допроса.

Более того, заклинания закрывают двери и стены на тот случай, если кто додумается проломиться напрямую, а кроме того, мощные амулеты защищают стол, ящики и ларцы с секретными замочками, но даже это не все: если кто-то сумеет выжить и коснется личной книги короля, где все его тайны, он тут же превратится в соляной столб, как когда-то жена Лота.

На меня магия не действовала, но я зябко передергивал плечами, представляя, что вот выдвинется из стола отравленный шип или в коленку кольнет некая заноза, что убьют моментально.

Священники полдня очищали от чар, а потом на всякий случай я запустил еще и магов, не помешает, а в конце священники прошлись еще раз и подтвердили, что колдовства было много, но все уже очищено молитвами и святой водой.

– Как только вы уцелели, – сказал один участливо, – вы вошли первым?

– Я паладин, – ответил я скромно и перекрестился. – Господь хранит меня для более трудных дел.

– Спаси вас и сохрани, – ответил священник и перекрестил меня. – Но от стрел из стен вы уж как-то сами, ваша светлость.

Все, как я уже понял из жизненного опыта, удастся энергичному и деятельному человеку, вот только времени и сил уходит вдвое больше. Если что-то рассчитываешь сделать за неделю, смело клади две, а то и три. Уверен, что сделаешь за месяц – будь счастлив, если уложишься в два.

Фальстронг не подошел в рассчитанное время, и даже в ожидаемое нами. Соппротивление местных лордов на севере оказалось ожесточеннее, чем он и я рассчитывали. День за днем король Варт Генца продвигается по Турнедо медленно и упорно, сбивая заграждающие отряды, захватывая лагеря, сам несет тяжелые потери, но мои разведчики радостно докладывают, что его войска все-таки приближаются, не отступая ни на дюйм.

С южной стороны королевства появились первые слухи о тяжелых боях в районе земель Пертуи и Дуншира, а также большом сражении у Торгэрна. Оно закончилось вроде бы победой Гиллеберда над объединенными войсками Барбароссы и Найтингейла, однако отступил все-таки Гиллеберд.

Сообщение о том, что Ричард Завоеватель захватил его столицу, мог счесть дезинформацией, с целью вызвать панику в рядах его войск. Но, возможно, дошли слухи о вторжении с севера королевской армии Варт Генца, чего он тоже никак не ожидал, хотя, будучи крайне предусмотрительным, и оставил с той стороны хороший заслон из кольца прекрасно укрепленных замков с многочисленными гарнизонами и хорошо укомплектованные войска под управлением опытных военачальников.

Мне казалось, что Гиллеберд вот-вот начнет долгие и хитроумные переговоры о мире или хотя бы перемирии, за время которого отойдет от внезапного изменения ситуации и как-то повернет ее в свою пользу, однако то ли на что-то надеется, то ли понял, что я сумел переиграть на его же поле и в переговоры вступать не буду, да и другим докажу, что противника осталось только дожать...

В захваченной столице атмосфера очень недружелюбная, это не демократический и толерантный Геннегау, где всем все по фигу, здесь дубовые патриоты. Простой народ упорно выкрикивает славу Гиллеберду, а нас ненавидит люто и иррационально, хотя мы постарались ни в чем не причинять вреда.

Слуги под руководством Бальзы уже очистили королевский дворец от трупов, заменили залитые кровью ковры и шкуры на полу, отдраили дубовые полы, и хотя все выполняют, но ощущение остается такое, что при первой же возможности вонзят в спину нож.

Я велел заменить их менее преданными предыдущему преступному режиму, но таких почти не нашлось, да и те могут притворяться, так что мы, победители, оказались в огромном дворце почти без слуг.

Я в конце концов занял покои Гиллеберда, так надо, я должен подчеркивать и всячески выказывать, что отныне его власть полностью перешла ко мне, вот трон, вот знаки власти, королевская печать и все регалии.

Охрану дворца поручил сэру Клименту Фицджеральду, он настолько хорошо показал себя при захвате этого весьма и зело укрепленного пункта, что отныне можно рассчитывать на его сообразительность и в других деликатных делах.

Остальные военачальники отвечают за охрану стены и башен, доблестный сэр Геллермин денно и нощно бдит со своими людьми у обрушенного участка, хватая подозрительных с той стороны и с этой, а виконту Каспару Волсингейну поручил при обеспечении спокойствия и безопасности на улицах столицы действовать быстро и решительно, любые искры гасить вовремя.

Сегодня он вошел настороженный, словно и здесь за ним следят враги, коротко поклонился.

– Сэр Каспар, – произнес я.

– Ваша светлость, – ответил он.

Я поинтересовался:

– Как прошла ночь?

– Восемь нападений, – доложил он. – На два больше, чем вчера. Но вчера были ранены четверо наших и один убит, а сегодня убиты уже трое.

– А ранены?

– Восемь.

Я ощутил гнев и горечь, сжал и разжал кулаки.

– Сэр Каспар, – произнес я с большой неохотой, – это мой город, потому я велел обращаться с жителями гуманно, так как они уже не враги, а мои подданные. Подданных нельзя убивать, как врагов, однако слегка наказывать можно... Слегка.

– Ваша светлость?

– Отныне, – сказал я, – разрешается не только защищаться в случае нападения. Всякий, бросивший бранное слово в мой адрес или адрес наших доблестных войск, должен быть схвачен и немедленно повешен!.. Если обстоятельства не позволяют – зарубить на месте.

Он вскрикнул обрадованно:

– Ваша светлость! Позвольте выполнять?

– Действуйте, – разрешил я.

Он умчался, я слышал в коридоре его воспрянувший голос, даже топот изменился. Не помогает львиная шкура – одевай лисью. Но если в лисьей меня не уважают, то мои львиные когти уважать заставят. Или бояться. Что по результатам одно и то же. Одни закон не нарушают потому, что этот нравственный закон у них в душе, а большинство – из страха перед жестоким наказанием. Как результат – на преступление отваживаются совсем уж отпетые.

Думаю, дикие горцы сэра Каспара сумеют внушить достаточное уважение завоеванным. Я не случайно именно ему поручил обеспечивать порядок на улицах, базарах и рынках.

Если здесь милосердие считают слабостью, что ж – могу сыграть и понятнее для вас, олухи.

В коридоре раздались быстрые шаги, ко мне в кабинет заглянул один из стражников, что в коридоре.

– Ваша светлость, – прокричал он, словно мы на противоположных концах дремучего леса, – к вам только что гонец от Барбароссы, ваша светлость!

– Пропусти, – велел я.

В комнату вошел молодой воин, совсем юноша, светлый и быстроглазый, из доспехов только кольчуга с широкими рукавами и до колен, сапоги с простыми шпорами, а на поясе простой короткий меч ратника.

Он быстро и легко преклонил колено, голова опущена, взгляд в пол.

– Ваша светлость...

– Встань, – велел я, – и ответствуй. Как дела у моего дорогого сюзерена и покровителя, которому я так многим обязан?

Он смотрел на меня ясными влюбленными глазами, с почтением протянул увешанный печатями свиток.

– Ваша светлость!.. Его Величество поздравляет вас с неслыханной и невероятной победой. Он рад и счастлив, это все здесь записано!. А еще Его Величество велел передать на словах, что он не подписал бы тот договор... простите, я не знаю, о чем речь, просто передаю дословно... тот договор, если бы не подозревал, что вы спрятали какого-то коня в рукав.

Я сдержанно улыбнулся.

– Его Величество меня переоценивает... Как добирались? У Гиллеберда еще много войск?

Он кивнул.

– Да, ваша светлость. Он блокировал все дороги. Если бы не мой конь, ему нет в Фоссано равных по скорости, и не мои амулеты, оберегающие от чужих взглядов, я бы не пробился через захваченные Гиллебердом земли.

– Гиллеберд хорош, – сказал я с досадой, – только об этом и слышу. К нам докатились слухи о победах при Пертуи и Дуншире, а также большом сражении у Торгэрна...

Его глаза вспыхнули отвагой и юношеской гордостью.

– Это было жестокое сражение, ваша светлость. Мы понесли тяжелые потери, Гиллеберд очень умело руководил своими войсками и, можно сказать, одержал победу. Нам пришлось оставить поле битвы, однако отступил и Гиллеберд, так что сражение будет считаться ничейным.

– Почему отступил Гиллеберд?

Он смотрел на меня чистыми глазами ребенка, который передает то, что ему сказали, еще не понимая смысла сложных слов:

– Его Величество считает, что Гиллеберд потерял уверенность. Он все еще сильнее нас, однако, как сказал Его Величество, он не ожидал, что мы все же выступим... и выступим очень всерьез. Почему-то он не рассчитывал, что Его Величество возжелает защитить свои исконные земли... И еще Гиллеберда поразило, так считает Его Величество, что в войну вступил Варт Генц. К тому же неожиданно мощное сопротивление оказал один из армландских лордов, его владения на границе. Он сковал почти треть войска Гиллеберда, это неслыханно, а когда ему грозило окружение, ушел за стены замка. И оттуда постоянно наносит удары в тыл.

– Герой, – сказал я. – Как его имя?

Он пробормотал:

– Вроде бы Тамплиер...

Я подумал, кивнул молча слушающему стражнику.

– Займись нашим молодым другом, покорми и дай отдохнуть. Я составлю ответ Барбароссе и немедленно отправлю с нашими заверениями в любви, уважении и покорности.

– Слушаюсь, ваша светлость!

Он очень вежливо, даже слишком вежливо, поклонился, явно не простой стражник, возможно, из безземельных рыцарей, и остался на том же месте.

Я спросил непонимающе:

– Сэр?

Он поклонился снова и развел руками:

– Простите, ваша светлость... но надо ли это...

Он замялся, я спросил нетерпеливо:

– Что именно?

– Это вот, – сказал он в неловкости, – с заверениями в покорности... Сейчас уже всем видно, – вы никому покоряться не должны...

Я сказал строго:

– Дорогой сэръ!.. Вы что-то недоперепонимаете!.. Его Величество для меня – как отец родной! Я всегда буду чувствовать к нему любовь, уважение и даже покорность, если вы понимаете меня правильно. Как бы ни стал я силен, а он дряхл и слаб, но все равно!

Он сказал торопливо:

– Да, но... чувствовать – одно, но зачем умять свое величие? Вы же не один, мы все купаемся в славе своего вождя!

– Когда слава заслуженная, – отрезал я, – ничто ее не умяет! Действуйте.

Оставшись один в кабинете Гиллеберда, я еще раз прошелся вдоль всех четырех стен. Такой предусмотрительный король не мог не пользоваться тайными ходами, скрытыми тайниками и замаскированными ловушками.

Я выглянул в коридор, кивком велел стражнику войти.

– Как вас зовут?

– Тэд, ваша светлость.

– Тэд, – повторил я. – Значит, полное имя Эдвард. Верно?

– Да, ваша светлость.

– Гордое имя, – сказал я, – дворянское.

Он опустил взгляд, на щеках проступил густой румянец.

– Ваша светлость... я вел себя неподобающе, и отец меня изгнал. А так, вы правы, я дворянин. Отец мой очень уважаемый в наших краях рыцарь...

– Эдвард, – сказал я строго и в то же время отечески, уже привык так держаться и говорить, хотя этот Тэд не моложе меня, – мы живем в бурное время, которое принято называть переходным. Ты видишь, как в одночасье рушатся королевства, династии, величие рассыпается в прах... но в то же время можно очистить свое имя подвигами и верным служением сюзерену, завоевать его доверие и уважение сотоварищей... а к родителям вернуться в славе и доблести, с заслуженно захваченной добычей!

Он вытянулся, в глазах заблестели слезы, я даже не думал, что вот так задену за живое, до чего же я хороший демагог, просто люблю себя...

– Ваша светлость, – проговорил он прерывающимся голосом, – только прикажите! Все сделаю, жизнь отдам по одному слову, одному жесту!

– Ваша жизнь нужна вам и мне, – возразил я. – Так что давайте ближе к делу. Поручаю вам охрану моих покоев. Включая кабинет. Посмотрите, как удобнее расставить людей, если вдруг что случится... А еще оставьте прямо здесь с дюжину крепких воинов.

Он пробормотал:

– А как разместить?

– Тогда с полдюжины, – согласился я. – Остальных – в коридор. Если вдруг что не так, пусть сперва поднимают крик, а чудеса героизма проявляют потом.

Он проговорил с неловкостью:

– Стыдно как-то мужчинам кричать...

– Ради сохранения жизни други своя, – отрезал я, – ничего не стыдно! Поднимать тревогу, ясно? Вы же не себя спасаете, вас не жалко, а меня, замечательного сюзерена!

– Ваша светлость, да что может произойти?

– Не знаю, – сказал я честно. – Но я в кабинете самого Гиллеберда! И должен вести себя по-гиллебердски. Иначе меня отгиллебердят так, что все разгиллебердится.

Глава 3

Древние египтяне тем соседям, что собирались с ними воевать, показывали свои пирамиды, и у тех сразу отпадало желание связываться с людьми, способными на такое.

Если бы все соседи Гиллеберда, близкие и дальние, могли увидеть его дворец, никто не только воевать с ним не решился, но даже насчет сопротивления подумал бы: когда я попал сюда в первый раз, я ахнул, как ни пытался сдерживаться. Ощущение было, что в королевствах Зорра, Кернеля, Алемандрии, Кельвинта и других, через которые пришлось пройти, только-только научились строить простейшие грубые замки из кое-как отесанных камней, а здесь расцвет, замки совершенны, огромны и прекрасны, кроме монументальности везде легкость, умелый дизайн...

Главный зал даже сейчас поражает до глубины души: откуда в таком мрачном краю стены, пол и потолок из драгоценнейшего розового мрамора, залежей которого просто нет нигде? Все колонны выполнены в виде изумительно точно вырезанных атлантов с прекрасно прорисованным каждым мускулом.

В окнах витражи из цветного стекла, в изящных каменных кадках растут удивительно красивые деревья, таких на свободе не встретишь...

А сине-фиолетовый зал, а пурпурный, а багровый, а остальные – каждый выполнен в особом стиле, и одновременно все это создает некую законченную картину исполинского роскошного дворца, подчеркивающего могущество и значимость их хозяина.

Вот только в личных покоях Гиллеберда и его кабинете я раньше не бывал, и теперь не столько ахал, поражаясь изысканной красотой, сколько настороженно высматривал все возможные ловушки, что-то становлюсь совсем подозрительным.

Наконец я разложил на столе огромную карту города, у Гиллеберда таких зачем-то несколько, мучительно прикидывал, где могут попытаться проникнуть противники. Город чересчур огромный, он еще в мой первый приезд ошеломил размерами и пышностью.

Я тогда всматривался в башни, и странное чувство копошилось в душе, чудилось, что город если не с довоенных времен, то его выстроили сразу же выбравшиеся из шахт горняки, там в огромных подземных пещерах вполне можно пропустить войну. Но я отчетливо чувствовал исполинскую разницу, скажем, с Вексеном или Дартмутом, что выглядят жалкими сараями рядом с блистательным дворцом.

Но сейчас не до богатства и роскошной архитектуры, беспокоит огромное пространство, что занимает город. К счастью, я провел в него свою небольшую армию практически без потерь, нужно только всех расставить на ключевых местах...

Глаза начала заволакивать пелена от перенапряжения, на карте чернила кое-где расплылись, всматриваюсь до тех пор, пока не начинают появляться темные круги, я откинулся на спинку кресла и посмотрел на стену напротив, чтобы снять напряжение глазного дна.

Кабинет уютен, хоть и великоват, в нем все солидно, массивно, дорого, как цветные стены со сценами битв, так и весьма необычная картина в золотой раме, а может, и не золотой, но явно из очень дорогого материала, к тому же поработали искусные ювелиры.

А на полотне изображена молодая и хорошенькая женщина на фоне деревьев с неправдоподобно красиво изогнутыми ветвями, небо едва проглядывает среди зелени, все внимание на пояском портрете этой красотки, что не совсем уж и красотка, но очень беспечная и раскованная с тем непосредственным выражением на хорошенькой мордочке, что больше характерно для обывающих в королевском замке служанок, чем для высокопородной дамы. Те, начиная с колыбели, уже учатся смотреть строго и надменно, а позировать с прямой спиной и в самых дорогих платьях с множеством драгоценностей.

Я поднялся, сделал несколько наклонов в стороны, разминая застывшие мышцы, зашел справа, слева, везде портрет следит за мной, знакомый эффект, для этого художнику нужно всего лишь расположить зрачок строго посередине, и сколько бы людей ни было в зале, каждому будет казаться, что портрет следит именно за ним.

Рама на ощупь деревянная, хотя точно не дерево, я долго ощупывал, стараясь уловить что-то знакомое, потому что и не металл, и не камень, а другого материала этот мир не знает, разве что из застывшей смолы вылепить...

Кончики пальцев уловили тепло. Я вздрогнул, прислушался, прижал к раме обе ладони. Так и есть, оттуда пошло отчетливое тепло, странное, ласковое, непонятное.

Я отодвинул ладони, но тепло все еще струится, будто от печи.

– Здорово, – пробормотал я, – хорошо Гиллеберд устроился... Только зачем ему этот камин?

Женщина не ответила, только смотрит все с той же дразнящей улыбкой.

Я вздохнул, поинтересовался:

– Как ты сюда попала, красotka? Очень уж ты... нетипичная.

Она смотрела теми же хитренькими глазками, улыбку художник поймал в самый удачный момент, дразнящую, чуточку виноватую, словно извиняется за какую-то мелкую шалость, на щеке умильная ямочка, подбородок нежный, округлый.

Я уже начал отворачиваться, как вдруг зеленые ветви слегка колыхнулись и снова застыли. Я вздрогнул и замер, словно вмороженный в глыбу льда. Женщина не изменилась, все та же улыбка, то же выражение, но у меня странное ощущение, что и она словно бы оживала на кратчайший миг.

Мои ладони снова принялись щупать и поглаживать раму, передавая ей свое тепло и получая часть обратно. После долгого ожидания ветви качнулись, я отчетливо видел, как их колыхает ветер, затем снова застыли, но теперь я сцепил зубы и с колотящимся от возбуждения сердцем принялся тереть раму, как Аладдин медную лампу.

Ветви начали покачиваться, затрепетали листочки, я прислушивался и уловил их шелест. Женщина продолжала с той же застывшей улыбкой рассматривать меня, я вздрогнул с головы до ног, когда в ее взгляде появилось нечто новое, затем длинные ресницы опустились, на мгновение закрыв глаза и бросив тень на щеки, тут же поднялись.

С колотящимся сердцем я жадно рассматривал полные жизни и любопытства глаза, блестящие, с коричневой радужкой, красиво вырезанный нос, слегка приподнятый, изумительно точно очерченные губы и небольшую россыпь веснушек на щеках, что недопустимо для леди.

Она в самом деле смотрит большими удивленными глазами, во рту у меня мгновенно пересохло. Сердце рвется из груди и требует отодвинуться, от женщин вообще ничего хорошего нельзя ждать политику, но... какая женщина!

– Класс, – прошептал я и не узнал своего хриплого голоса, – это же надо... так... ты как живая...

Я протянул руку, кончики пальцев коснулись холста, или же это поверхность чего-то посложнее, ощутилось легкое покалывание. Непроизвольно дернул рукой, изображение неожиданно резво поплыло в сторону, женщина оказалась наполовину за рамой, а с другой стороны открылся вид на зеленый луг, за ним лес и коричневый холм.

Сердце вот-вот разорвется, я осторожно повел пальцами дальше, изображение легко прокручивается, но дальше разные виды, а из меня неважный натурщик, уже осторожнее потащил бесконечную картинку обратно, пока в рамке не оказалась та озорная девушка с веснушками вокруг вздернутого носа.

На этот раз мне почудилось, что она чуть улыбнулась. Я проговорил с напряжением в голосе:

– Ты... как?

Она не ответила, но во взгляде я увидел интерес, а губы дрогнули в поощрительной улыбке.

– А как тебя зовут?

Ее лицо чуть изменилось, мне послышался ответ, я невольно переспросил:

– Как-как?

От портрета донесся слабый голосок:

– Кри...

Ее глаза в самом деле смотрят на меня, даже голову повернула чуть-чуть, а сам портрет словно бы обрел добавочную объемность. Я отступил, сердце колотится, кровь ударила в голову.

– Кри?..

– Кри, – донесся нежный голос.

– Это же надо, – прохрипел я, – ага, Кри... А полностью?

На этот раз она повернула голову и смотрела на меня уже не краем глаза, а прямо в мое лицо. Мне казалось, что надолго застыла, словно снова умерла, затем голосок прозвучал снова:

– Крис.

Я перевел дыхание, сердце едва не выпрыгнет, страшно и жутко, я уже видел на гобеленах вытканые картины битв, где цветные человечки дерутся на мечах и копьях, не должен бы вот так, но все равно...

– Ну да, – сказал я трясущимися губами, – понятно, дериватное сокращение и аффиксальное словопроизводство. То есть ты... Кристина, да?.. А Кристина – дериват от Кристианида. Эх, досокращаемся как-нибудь до полной наготы, что вообще-то для кого-то и весьма заманчиво... Кри, а ты кто?

Она долго молчала, что-то там происходит, надолго замирает, наконец снова посмотрела на меня, губы чуть шелохнулись, но ни слова я не услышал.

– Что, – спросил я, – ты помнишь?

Она посмотрела на меня в удивлении.

– Солнце... море... гидреты... айрспиды... всегда весело...

– Это хорошо, – сказал я, – когда все весело. Тебе там как?.. Может быть, сойдешь? У меня тут конфеты, сладости, кофе, пирожные...

Она произнесла ровным голосом:

– Нет.

– Не можешь? – спросил я без сожаления. – Или нельзя?

Она подумала, снова лицо и все изображение застыли, наконец произнесла тихо:

– Нехорошо.

Сердце мое заколотилось так, что в ушах загремели барабаны.

– Хорошо! – ответил я убежденно. – Что старая мораль понимает?.. Мы, молодые, лучше знаем, что есть хорошо!.. А они достают нас своим занудством, правилами, обычаями, всегда знают, как надо, а почему надо именно так, как хотят они? Мы – новое поколение, мы лучше знаем!.. разве не так?

Ее глазки заблестели, она произнесла нерешительно:

– Так...

– Тогда сойди, – предложил я. – Мы съедим эти пирожные, и ты снова вернешься на свое место. Никто не узнает!

Она подумала, судя по ее виду, затем чуть покачала головой.

– Нет.

– Но ты же можешь, – сказал я убеждающее, – ты можешь?

– Нельзя, – ответила она, – а вдруг ты моргул?

– Нет, – заверил я клятвенно, – я точно не моргул. Если совсем уж точно, я даже не знаю, что это. Или кто это.

Она недоверчиво улыбнулась.

– Откуда я знаю, что тебе можно верить?

Я встал перед портретом.

– Разве по моему честному лицу не видно, что я не этот самый, который?

Она ответила резонно:

– Я их не видела.

В дверь заглянул сэр Вайтхолд, поклонился, сказал торопливо:

– Ваша светлость, люди сэра Климента отыскиали две бригады каменщиков в соседнем поселке.

– Хорошая новость, – сказал я обрадованно. – К работе приставил?

– Сразу же! – сказал он. – Вот только платить им, или же пусть радуются, что живы?

– Пусть радуются, – сказал я, – что живы, но платить будем.

Он кивнул и пропал за дверью. Я вернулся к работе, но теперь время от времени поглядывал на нее. Она наблюдала за мной тоже, сэр Вайтхолд появлялся часто, подавал бумаги, докладывал о событиях, на портрет не обращал ни малейшего внимания, но Кри, как я понял, внимательно наблюдает за нами то ли из простого любопытства, то ли старается понять, в самом ли деле я не моргул.

На обед времени не хватило, я не стал затруднять сэра Вайтхолда такими пустяками, чтобы кто-то принес мне прямо в кабинет, слуги разбежались, а воинов и так недостает, создал сыра и кусок пирога, быстро сожрал и запил двумя чашками крепкого кофе.

Спохватившись, спросил:

– Кстати, может, чашечку кофе?

Она ответила после долгой паузы:

– Нет.

Подбодренный ответом, молчание все-таки хуже, я спросил настойчиво:

– Ну почему?

Снова затруднительное молчание, наконец она произнесла:

– Я не знаю, что это.

– Ах, это, – сказал я с облегчением, – ну, узнать несложно. Но вот сладкий пирог, это ты знаешь. Вот сыр! Подумай.

Мне показалось по ее лицу, что она колеблется. Наконец она покачала головой:

– Нет.

Я взял кусок медового пирога и подошел к картине.

– Я могу тебе его подать?

Снова долгое колебание, наконец она произнесла:

– Да.

Ошарашенный, сам не ожидал, я нерешительно протянул пирог к картине. Ничего не происходило, и только когда уже почти коснулся поверхности, ее пальцы быстро ухватили лакомство.

Ничего дальше не произошло, изображение осталось таким же, только пирог исчез, его поедание произошло где-то там, по ту сторону моего понимания.

– На здоровье, – сказал я на всякий случай и вернулся к столу, но в голове все вертится насчет такой картины, где изображенное не только двигается, этим не удивишь, но и общается, это тоже понять можно, но вот чтобы жрало...

С другой стороны, всем нам нужна подпитка, без притока энергии и я замру. Идеальными считаются те организмы, что могут жрать все, есть такая гордая поговорка: человек не свинья

– все сожрет. Потому и стал царем природы. А если бы еще научиться поглощать тепловую и солнечную энергию...

Я покосился на картину. В пещерные времена единственной возможностью войти в бессмертие было высечь свое изображение на каменной стене. Потом цари приказывали изготавливать свои статуи, а в более позднее время вельможи заказывали портреты в красивых и героических позах. И всегда люди стремились к чему-то большему, максимальному, разговаривали, как с живыми, с рисунками на стене, со статуями и портретами, рассказывали о своих успехах, делились заботами...

Я сказал настойчиво:

– Вспомни, ты же была веселой! Ты смеялась и шутила, с тобой всем было хорошо и радостно!

Она смотрела молча, в глазах вопрос, словно не поняла, я перевел дыхание и зашел с другой стороны:

– Ты уже видишь, я не моргул. Сойди, посиди, как в былые времена, ощути иные запахи, текстуры, цвета, вкус совсем другой еды... раньше тебе было очень интересно! Что случилось? Ты запечатлена для того, чтобы на тебя не только смотрели, но и... общались!

От картины донесся немножко обиженный голосок:

– Мне и сейчас интересно...

– Ну вот!

– Я боюсь, – прошелестел ее голос.

Я засмеялся как можно чистосердечнее, вдруг да она умеет распознавать оттенки лучше других женщин, они все вообще-то умеют это делать лучше нас.

– Меня?

– Я должна выходить только к Геду, – сообщила она.

– Все верно, – подтвердил я, – но его здесь нет, а держать тебя там неправильно, нехорошо. Ты всегда была независимой, смелой, поступала по-своему, а с Гедом была потому, что это совпадало и с твоими желаниями... Так будь же сама собой?

Листья на заднем фоне шевелятся, по небу проплывает легкое оранжевое облачко. Мне оно показалось слишком цветным, но, возможно, близился закат солнца, что само по себе должно навевать романтическое настроение.

Глава 4

На лице Кри отчетливо проступило мучительное размышление, она повела глазами вправо-влево, наконец предупредила дрожащим голосом:

– Только на минутку!

– Отлично, – воскликнул я. – Докажи, что ты чего-то стоишь, ты же не рабыня Геда!

В ее взгляде проступило колебание. Она даже посмотрела вниз, будто измеряла расстояние до пола, чуть-чуть зябко поежилась.

Я торопливо ухватил стул и, придвинув к стене, подал ей руку. Она повернула голову и долго смотрела на меня, я постарался выглядеть чистым и открытым, искренним таким любителем бесхитростных веселий, застолий и легкого флирта.

За ее спиной снова задвигались ветви деревьев, застыли, опять дрогнули и замерли прямо в движении.

– Ну давай же, – сказал я. – Съедем по пирожному, и снова вернешься обратно!

Она кивнула и подала руку. Я напрягся, до жути захотелось отдернуться, отпрыгнуть, но стыд перед женщиной пересилил, а она легко оперлась о мою ладонь, ощущение жуткое, словно в самом деле живая, придвинулась вплотную к незримой преграде и перекинула через нижний край рамы ногу, словно вылезает через окно.

Я придержал ее, напрягая мускулы, она перекинула вторую ногу, мгновение посидела на раме, затем встала на стул одной ногой, другой, я помог сойти на пол.

Она улыбалась несколько нерешительно, но лицо разругмнилось, глазки заблестели, мне даже почудилось, что в них появилось нечто хитренькое.

– Садись, – сказал я вежливо и провел ее к креслу.

Она опустила тихо, но без церемоний, во взгляде разгорается любопытство. Уже без колебаний взяла пирожное, надкусила, прислушалась к ощущениям. Я быстро создал вазочку с мороженым, придвинул к ней.

– Тебе понравится.

Она кивнула, быстро и без церемоний разделалась с пирожным, чего я никак не ожидал, все-таки даже тактильное и до предела интерактивное не должно было вот так... с другой стороны, энергия, похоже, была на исходе...

Мороженое она смаковала, прислушивалась к ощущениям, потом улыбнулась, голос ее прозвучал чарующе, с новыми нотками:

– Спасибо. Мне нужно вернуться.

Я снова протянул руку и помог ей подняться на стул, а оттуда перелезть через раму, снова жутко похожую на окно в некий мир. Я не отрывал от нее взгляда, а она снова застыла в той же позе, в какой вижу ее с первого же дня здесь.

Сэр Вайтхолд вошел с докладом, споткнулся на пороге, едва увидел мое лицо.

– Что-то случилось, – спросил он встревоженно, – ваша светлость?

– Если бы, – ответил я, стараясь войти в прежний образ все понимающего и все видящего отца народа и великого воителя. – А то сиди вот и жди... когда что-то случится. Что у вас?

– Все получили приказ, – сообщил он, – карать любое неповиновение, как вы говорите, по законам военного времени.

– Наконец-то, – сказал я и, наткнувшись на его непонимающий взгляд, объяснил: – Наконец-то я недоперестарался с гуманностью. Людей надо перевоспитывать, но сейчас некогда, потому проще их убивать, а перевоспитывают пусть в аду. Там специально обученная команда, помещения, приспособления, учебные пособия и опытные педагоги. А мы должны заниматься насущными задачами.

– Это как? – спросил он.

– Первое, – объяснил я, – удержаться.

– А второе?

– Удержаться, – повторил я. – Это же и третье. Иначе все рухнет.

Он поклонился и вышел, а я все вспоминал то странное ощущение, когда касался ее руки, в самом деле тактильные ощущения переданы превосходно, сам бы поклялся, что трогал живое, если бы проделал такое с закрытыми глазами.

Сейчас она в той же позе на портрете, но теперь рассматриваю ее иначе, в череде всякие мысли, в том числе и вовсе не связанные с сексом, абсолютно не связанные, разве что в самой общей мере...

Как теперь вижу, она по каким-то причинам не может обратиться ко мне, что вообще-то недоработка, но, с другой стороны, почему недоработка, как раз очень все правильно и мудро, женщина всего лишь приятная штука, ей лучше помолчать, пока не спросят... Во всяком случае, так могли думать те, кто создавал эти великолепные портреты... вернее, кто заказывал их.

Я, конечно, не такой, я гуманист и демократ, женщины – тоже люди, и все права у них, как и у людей, просто я, как человек с широкими взглядами, прекрасно понимаю тех древних сатрапов и тиранов, еще как понимаю...

В следующий раз, когда я сумел пробудить ее от оцепенения, она улыбалась и строила глазки, невинный флирт, я уговорил ее сойти в комнату, а сам быстро сдвинул изображение в сторону, появились суровые заснеженные горы.

Кри вздрогнула.

– Ой...

– Знакомые места? – спросил я быстро.

Она кивнула.

– Да... Но мне там не нравится...

– Почему?

– Горы мертвые, – произнесла она, – мы пробыли там совсем недолго. Там пусто и холодно, я чуть не умерла...

Я смерил взглядом заснеженные пики, что-то вроде Гималаев, если не сами Гималаи, никогда их не видел, но знаю, что гималаистее на планете вроде бы ничего нет.

– Высокие, – согласился я. – И что, туда можно войти и сейчас?

На ее кукольном личике проступило удивление пополам с отвращением.

– Конечно... но там плохо. Не знаю, зачем там бывают...

– Я тоже, – сказал я. – Видишь, сколько у нас общего?

Она слабо улыбнулась. Вряд ли чуть не умерла, обычное женское преувеличение, блондинки есть везде, они вечны, но пейзаж в самом деле жутковат. Я бы в эти горы точно не полез, у меня с головой в порядке.

Обратно она запросилась сразу же, я моментально и с готовностью помог ей взобраться на картину, она сразу успокоилась и смотрела на меня с прежней дразнящей улыбкой, что хороша, очень хороша, и совсем это никакое не оцепенение, а на радость ценителям удачно схваченный момент.

Раз уж там ей намного уютнее, уговаривать слезть и пообщаться в реале больше не стал, успею, начало есть, а дальше пойдет по проторенной, а пока подкатывался то зайчиком, то хомячком, старался побольше узнать о ней самой и ее мире.

Увы, она и в реале наверняка была хорошенькой пустышкой, с такими особенно удобно, весело и необременительно. Они всегда довольны жизнью, собой, окружением, беспечно чирикают, сложными вопросами головы не забивают, от этого морщины, а спутникам передается их хорошее настроение.

В тот раз она была в путешествии, если это путешествие, с неким Гедом, он запоминал ее, так это она называла, на фоне красивых пейзажей, холодных гор и на берегу безбрежного океана, хотя я предпочел бы, чтобы хоть раз запомнил в городской обстановке.

В памяти Кри сохранились только эта поездка, ночи страсти на берегу моря и на зеленой траве, холодная и суровая природа, которая ей так не нравилась, но Гед от нее был без ума.

Она сообщила мне, что за весь долгий период между Гедом и мною она только трижды просыпалась, когда заросшие грязью и плесенью рамы начинали очищать, но у нее не доставало сил, чтобы даже рассмотреть этих людей, только показались они ей очень странными.

– Какими именно?

– Странными, – повторила она. – Не такими.

– Какими не такими?

Она капризно оттопырила губу.

– Непривычными. Очень грубыми и грязными. И еще в них было нечто...

Она задумалась, затем тряхнула головой и засмеялась.

– Да какая разница? Ты совсем не такой. Ты даже похож на Геда.

– Я? Ну, спасибо...

Иногда она замирала, я тревожно всматривался, что-то пытается вспомнить, лицо озадаченное, не понимает, почему такие провалы в памяти.

Когда я осторожно пытался натолкнуть на рассказы о чем-то помимо их путешествия с Гедом, она даже не понимала, о чем речь, ее существование началось с их путешествия и закончилось, когда он сказал, что возвращаются.

Возможно, у него в доме в рамках более расширенные версии, а то и вовсе там другие... хотя, вполне вероятно, что Кри и была именно той отдушиной от трудной и тяжелой жизни дома, и потому Кри помнит только солнце, море, красивую природу, горы, а сама всегда на пике хорошего настроения.

– Ох, – сказала она как-то, – ну ты и хитрый...

– Разве? – удивился я. – Мне казалось, что я сама простота...

– В чем-то да, – согласилась она. – Ты очень прост, что удивительно, учитывая, что тебе здесь кланяются многие... но ты и хитер! Я смотрю на тебя и думаю то, что ты хочешь, чтобы я думала.

– Правда? – спросил я. – Ну тогда иди ко мне. Иди на перекресток моих больших и неуклюжих рук!

Она засмеялась.

– Разве неуклюжих? Мне кажется, они у тебя очень уклюжие...

– А ты проверь, – предложил я дразняще.

Она посмотрела хитро, подумала и вдруг ответила с вызовом:

– А что? И проверю.

Я выскочил из-за стола и подбежал к стене с ее портретом.

– Прыгай, я поймаю.

Она покачала головой:

– Не сейчас.

– А когда?

– Позже, – почти прошептала она. – Если не передумаю...

– Если не трусишь, – уличил я.

– Да, – ответила она с достоинством, – я трусливая. Завидуешь?

– Да не так, чтоб очень, – признался я, – но преимущества в этом есть. Жаль только, что мужчины не имеют право на это такое понятное чувство.

– Да? – удивилась она. – А я видела столько трусливых мужчин... Их вообще большинство!

Я тяжело вздохнул.

– У вас очень продвинутое и цивилизованное общество. Наверное, женщины тоже работают?

Она улыбнулась.

– Попробуй уговорить меня прийти к тебе вечером.

Улыбка ее была таинственной и обещающей, но вечера я ждал с сильно бьющимся сердцем. Крис оставалась на том же месте, за окнами замирает приглушенный шум города, только иногда доносятся строгие окрики наших воинов, патрулирующих улицы, да звонкий цокот стальных подков по вымощенной булыжником площади.

Воздух здесь сырой и застойный, что значит, не может перебраться через Великий Хребет и подсушиться на жарком солнце, издали доносятся крики птиц, звонко прокричал петух, небо уже темное, но звезд не видно, только очень далеко, за горизонтом, вспыхивают тускло-багровые зарницы.

В городе объявлен комендантский час, что это такое, не поняли даже армландцы, я объяснил, что местным запрещается выходить из домов после захода солнца, и вообще больше трех чтоб не собирались до отмены моего высочайшего указа.

– Сэр Вайтхолд, – сказал я, – они привыкли к военной диктатуре и даже гордятся порядком и дисциплиной, которую навязал им Гиллеберд. Потому любые наши демократизации расценивают как слабость! Так не разочаруйте же их, закрутите все гайки... в смысле, затяните петли на их шеях потуже, чтобы помнили, кто здесь хозяева! Есть такие, даже гордятся, когда ими помыкают.

Он поклонился.

– Ваша светлость, боюсь...

– Чего?

– ...что вы правы, – закончил он. – Они понимают только силу.

– Не завидуйте, – сказал я. – Это ущербный путь. Хорош для короткого рывка. А потом здесь все равно бы развалилось. Возможно, Гиллеберд увидел признаки спада, вот и решил поправить дело победоносной войной?

– Да, ваша светлость, – ответил он, поклонился и пропал за дверью.

Глава 5

Я повернулся к столу и вздрогнул, слева от него в красивой изысканной позе стоит веселый франт в лихо заломленной набекрень широкополой шляпе с длинным цветным пером, на смеющемся лице щегольские усики, что то выходят из моды, то удало, как молодой рыцарь на горячем коне, врываются в нее снова, и сам улыбается до ушей, вглядываясь в меня с превеликим удовольствием.

– Соскучились? – спросил он весело, захохотал, красиво поклонился, срывая шляпу, эффектным жестом швырнул ее в сторону, и она повисла, слегка покачиваясь, на торчащих из стены оленьих рогах. – Я – ужасно!

– А я вот ничуть, – заверил я и, нахмурившись, поинтересовался: – Или намекаете, что ни к кому не приходите по своей воле?

Он сказал с веселым негодованием:

– Наменяю? Это я всегда утверждал и утверждаю! А то сколько лжи и клеветы, когда говорят, что вот я пришел и соблазнил... Извините, я прихожу, чтобы принять ваш уже свершившийся грех... в реальности или пока только замысленный, чтобы утвердить вас при колебаниях и в моменты неуверенности, поддержать вас в вашей похоти, вашей лжи, предательстве и всех ваших преступных, как вы это называете весьма странно... эх, да вы сами знаете, сэр Ричард, не так ли?... И знаете все лучше и лучше.

Я насупился.

– Наменяете, что уже пришли за мной?

Он снова расхохотался.

– Еще нет, увы. Но разве не говорил, что придете ко мне?.. Вы в какое кресло хотели предложить мне сесть?

– В любое, – буркнул я нелюбезно. – Где вам удобнее.

– Мне удобнее ближе к вам, – ответил он предельно учтиво, вплоть до оскорбительности, и сел в самом деле рядом. Я взглянул в его глаза, в них, как ни странно, просматривается дружеское сочувствие. – Сэр Ричард, как в вас уживаются такие крайности, что... даже не могу их охарактеризовать! Я до сих пор не сумел ответить на вопрос: можно ли творить зло во имя добра, а вы ежедневно... да что там ежедневно!.. ежеминутно сталкиваетесь с этой проблемой, но прете, как дикий кабан по камышам, не останавливаясь, будто у вас все решено... а я уверен, что даже не задумывались!

– Сороконожка как-то задумалась, – ответил я, – и... все.

– И что?

– Не смогла сдвинуться, – объяснил я. – А спросили у нее всего лишь, с какой ноги начинается бег. Сэр Сатана, вы полагаете, я не вспоминал больше тот момент, когда вы мне предложили трон императора? И нужно было всего лишь зарезать ребенка... Простого, из нищей семьи, которые и так мрут тысячами еще во младенчестве...

Он посмотрел с интересом.

– Правда? А я думал, вы постарались забыть, чтобы не вспоминать о своем позоре.

– Старался, – признался я, – но оно все всплывало и терзало. Думаю, я смог бы справиться и с императорством, тем более что там, как говорите, все было налажено, мне надо было только сидеть в кресле и надувать щеки... а потом бы, освоившись, я мог бы начать осторожные реформы.

– Ну-ну, – поощрил он, – и что надумали?

Я тяжело вздохнул.

– Убив ребенка, я затем искупил бы вину, сделав людям много добра и сохранив жизни тысячам младенцев, которые при прежней власти бы померли. То есть польза один к тысяче. Или даже один к миллиону...

– Ну-ну, – подтолкнул он, – продолжайте. Мне интересно следить, как вы себя начнете топтать и обвинять, хотя сейчас рассуждаете абсолютно здраво и трезво.

– Я вертел так и эдак, – сказал я, – и не мог понять, что меня остановило. И, главное, почему.

Он посоветовал ехидно:

– Так и скажите, как говорят, когда не знают, что ответить: вас остановил сам Господь.

Я покачал головой снова.

– Нет-нет, я привык докапываться до сути. И к тому же я сто раз повторял: человек свободен! Даже от Бога. Он сам нас освободил от себя и своей власти, чтоб если мы и пришли к нему, то по своей свободной воле. А суть, похоже, в том, что, убив младенца, я нанес бы своей душе именно тот непоправимый ущерб, что уже и на троне не стал бы, наверное, спасать этих младенцев. Да пустьдохнут, род людской должен очищаться от слабых, закон выживания, нечего больных тащить в будущее, у меня есть пограндиознее задачи, чем заботиться о всякой черни...

Он хмыкнул, горящие интересом глаза медленно угасали, лицо нервно дернулось.

– Сэр Ричард, – сказал он с неудовольствием, – вы, по-моему, сильно утрируете. Разумеется, такое жертвоприношение меняет человека, но лишь в сторону укрепления его решимости, стойкости, намерения идти вперед, невзирая ни на какие препятствия...

Я вскинул руку ладонью вперед.

– Стоп-стоп! Похоже, это оно и есть.

Он чуть встревожился, в глазах мелькнул испуг, а лицо немного напряглось.

– Что, сэр Ричард?

– Невзирая ни на какие препятствия, – медленно повторил я. – Да-да, это так часто звучит, так часто говорят, что потерялся главный смысл... Идти вперед, невзирая ни на какие препятствия – раньше считалось... да и сейчас подается как положительность, правильность... Идти до конца, нам нужна победа, за ценой не постоим, не отступать, нам жизнь не дорога, ломать все преграды... А если преграды как раз те, о которых так не любим говорить?... Ага, уже скривились. Да-да, я о нравственных. Мы ведь не хотим о них даже думать, верно? Вчера зарезал ребенка, чтобы получить трон, а сегодня надо зарезать свою семью и своего сынишку, чтобы лучше пошла реформа в образовании и здравоохранении. Завтра надо будет на площади принести в жертву сто девственниц, зато гарантировано десять лет без засухи и падежа скота...

Он мрачнел все больше, ерзал, пальцы нервно крутили в ладони серебряный кубок.

– Вы же знаете, – сказал он раздраженно, – у политика должна быть иная мораль, чем у простолюдина! И если надо принести в жертву сто девственниц, чтобы спасти тысячу жизней... а вы знаете, что при засухе погибнет народу гораздо больше... то что вы сделаете?

Я покачал головой:

– Не знаю. Но в жертву приносить никого не буду. Если уж совсем будем приперты к стене, то, возможно, сам лягу на жертвенный камень... ну, если уж совсем ничего не придумаю, я вообще-то не больно жертвенный, мне бы в самом деле лучше другими жизнями откупиться, признаю... Но жертву можно принять только добровольную... так мне чувствуется...

Он сказал враждебно:

– Догадываюсь, на кого намекаете и даже вроде бы указываете пальцем. Но он струсил на кресте и кричал! Дескать, на кого его оставили, такого вот подвижника...

– Кричал, – согласился я. – Больно было и страшно, могу себе представить. Но все-таки пошел... и не отрекся. Потому я, хоть и вижу, что вроде бы иду по пути, начертанному вами, сэр Сатана, вот захватил две трети Турнедо да еще и Армлиндию отстоял...

– ...к тому же Армландия теперь полностью ваша, – уточнил он довольным голосом. – Барбаросса признал ее самостоятельность, а вас – ее единственным правителем.

– И все равно, – продолжил я, – я все-таки не ваш, сэр Сатана. Я не смогу убить ребенка.

В его кубке появилось красное, как живая кровь, вино, я даже аромат уловил свежепролитости, лицо стало насмешливо-задумчивым. Он сделал неторопливый глоток, затем произнес со вкусом, растягивая удовольствие:

– Простите, сэр Ричард... но не по вашему ли приказу убита семья короля Гиллеберда? Если мне память не изменяет, в спальне было двое или трое малолетних детей?

Я поморщился.

– Это не то...

– Правда? – спросил он с удовольствием. – Поясните разницу. Мне надо у вас кое-чему поучиться!

– Положить на жертвенный камень младенца, – сказал я хмуро, – взять нож и вонзить ему в грудь... это жестокое и преднамеренное убийство, за которое нет оправдания. А вот то, на что намекаете вы...

Он хохотнул:

– Наменяю?

– На что указываете пальцем, – сказал я уже злее, – это совсем другое. Я велел всего лишь зачистить королевский дворец и личные покои Гиллеберда сэру Клементу... я ни разу не употребил слово «убийство»!.. а он приказал своим солдатам захватить этажи, всего лишь никого там не оставляя в живых. В этом случае семья короля Гиллеберда уже не какие-то там люди с женщинами и детьми, в смысле – не личности, а статистические единицы! Как, впрочем, и остальные жители города, у нас вообще-то равенство, по глубокому убеждению церкви. Да, какая-то часть статистических единиц неизбежно вычеркивается при захвате города. Это входит в число сопутствующих потерь, без них не обойтись. Дети Гиллеберда... тоже сопутствующие и неизбежные. Как и дети какого-то горожанина, выбежавшие на дорогу как раз в момент, когда в город ворвалась наша тяжелая конница и пронеслась по узким улицам. На таких вопросах обычно не заостряется внимание, более того – умалчиваем, хоть речь идет о вещах привычных и знакомых, как дефекация или менструальный цикл. Есть вещи, о которых знаем, но... не говорим. Из деликатности и стремления наших душ к вещам возвышенным и одухотворенным.

Он поперхнулся и долго кашлял, расплескивая вино на роскошный камзол, глаза полезли на лоб, а когда пришел в себя, опустил кубок и в восхищении мотал головой, всеми фибрами показывая, что от переполняющих чувств даже слов не находит.

– Сэр Сатана, – сказал я, – с вами все в порядке?

Он помотал головой и сказал потрясенным голосом:

– Простите, сэр Ричард! Простите, что иногда смотрел на вас свысока! Теперь понимаю, должен смотреть вообще-то снизу. Господь предвидел этот момент, когда велел нам, ангелам, поклониться человеку и заявил, что вот это мокрое и грязное из глины унаследует землю и весь мир.

Я спросил с подозрением:

– Вы это чего?

– Сэр Ричард, – сказал он с чувством, – берите мой плащ и шляпу, я отдаю вам свой трон! А сам со стыда уйду скитаться, заносчивый дурак, все эти столетия считал, что это я самый хитрый, беспринципный и напрямую идущий к цели! Господь все видел, понимал, что мы – агнцы рядом с вами.

Я сказал с достоинством:

– Сэр Сатана, я не понимаю ваших туманных речей. Я – человек, а это значит, я – подвижник, герой, светносец, замечательный, достойный, великолепный, честный, справедливый,

великодушный, чуткий, бескорыстный, жертвенный, чуткий, умница, добрый, хороший, уязвимый, средний, нормальный, обычный, терпимый, толстокожий, нехороший, нечестный, несправедливый, нечуткий, эгоистичный, грубый, недобрый, пустой, дырявый, подлый, бесчестный, коварный, злобный, предающий, корыстный, гадкий, недостойный, мерзкий, отвратительный, подлец, убожество, мерзавец, дрянь, ничтожество, ублюдок, говно, трус, дурак, недотепа, идиот, сопляк, глупец, олух, лентяй, растеряха, соня, трудяга, опора, гений, надежда и защитник всех людей, нелюдей и существ во вселенной!

Он слушал несколько обалдело, одно время даже начал было соглашаться, я даже уловил момент, когда и с чем, но затем скривился, словно прикусил больным зубом.

– Да уж, – произнес он сухо, – думаю, наш Всевидающий и Всеблагий не понимал до конца, какую огромную ошибку совершил.

– Родители не всегда верят в детей, – напомнил я с упреком.

Он хмыкнул.

– Да уж... Судя по тому, как вы обошлись с эльфами и гномами, от вас можно ожидать такого... что даже и представить не могу. И Господь не смог бы.

– Я с ними еще не обошелся, – возразил я. – Если думаете, что я их обману, вы сильно ошибаетесь! Господь велит ко всем относиться с добротой и милосердием, а эльфы и гномы весьма полезные существа для народного хозяйства. С какой стати буду обманывать, если честно вести дела и соблюдать договоры намного выгоднее?

Он уже пришел в себя, допил призрачное вино, наши непотребства растлевают не только эльфов и гномов, даже ангелов, легко поднялся, вышел на середину комнаты.

– Сэр Ричард...

– Сэр Сатана?

Он куртуазно поклонился.

– Я всегда был рад с вами общаться, но теперь просто счастлив, когда вижу вас и разговариваю с вами, сэр Ричард. Это невыразимое наслаждение нырять в такие глубины низости и предательства, что, оказывается, совсем не то, что думаю, и что так принято называть людьми, а... высокая и нужная политика для блага всех людей, процветания, подъема экономики и... чего-то еще? Материального?

– Духовное зиждется на материальном, – буркнул я. – Мало на свете таких, что уйдут в пещеры и на акридах будут размышлять о высоком, а вот если всех накормить-напоить и дать хорошее жилище, то смогут возвыситься мыслью и душой даже те, кто раньше мечтал только о куске хлеба! Я отец народа, сэр Сатана!

Он отступил, поклонился.

– Да, это очень интересный вопрос: можно ли сытому размышлять о высоком? Я больше склоняюсь к вашей интерпретации, что-то не нравится с этим верблюдом, лезущим в игольное ушко... Но поговорим об этом в другой раз, а то к вам идут сейчас ваши помощники, очень взволнованные чем-то...

Я наклонил голову.

– Да-да, с удовольствием. Такое вроде бы нельзя говорить, но я скажу честно, что мне весьма полезно с вами общаться.

Он улыбнулся.

– Делайте в жизни полезное, потом это станет и приятным!

Он исчез, а в следующую минуту за дверью загрохотали сапоги, в комнату влетел сэр Вайтхолд, за ним вдвинулись Клемент Фицджеральд, виконты Рульф и Каспар Волсингейн, а также барон Саммерсет.

– Ваша светлость! – выпалил барон, словно мы не во дворце, а в полевом лагере. – Разведчики донесли, к столице двигаются войска герцога Ярдишского!

Я посмотрел на них холодно, колеблясь, пора ли напомнить, что мы в королевских покоях, здесь надо бы держаться иначе, или же оставить на более спокойное время.

– И что?

Они уловили холодок в моем голосе, посерьезнели, подтянулись, барон сказал уже собраннее:

– Ваша светлость, они сегодня подойдут к городу.

Я произнес величественно:

– Пусть подходят. Мы ведь готовимся, не так ли?

– Да, – сказал барон за всех, они только смотрели и помалкивали, – но они могут нас просто смять числом.

– Разве? – уточнил я.

Сэр Вайтхолд проговорил обеспокоенно:

– Ваша светлость, но вы же знаете...

Я вздохнул, вышел из-за стола и дружески положил ладонь на плечо барона, с моим ростом этот жест более чем уместен, хотя, конечно, барон старше больше чем вдвое.

– Дорогой друг, – сказал я проникновенно, – могу вас заверить, я действительно знаю. Число их, как бы сказать, чтобы никого не обидеть, весьма... невелико. От всего войска герцога осталась едва десятая часть... остальные пали, о чем я весьма сожалею, смертью храбрых. Сам герцог зело ранен... Правда, потом к нему присоединились еще отряды из местных, но все равно сейчас это всего лишь тень бывшего грозного войска.

Они застыли, переглянулись, барон Саммерсет опешил и не знал что сказать, только практичный сэр Клемент проговорил настороженным голосом:

– Ваша светлость?

– Вы хотите узнать, – спросил я любезно, – как удалось перебить почти все войско герцога?

Он чуть наклонил голову, не спуская с меня пристального взгляда.

– Да, ваша светлость. Это, как бы, да.

Я сказал мрачно:

– Пришлось оставить в засаде потайной полк.

Они по-прежнему оставались в ступоре, только сэр Клемент проговорил несколько ошалело:

– Простите, ваша светлость... но откуда он взялся?

– Пришлось вызвать, – сообщил я.

Никто не двигался, сэр Клемент смотрел все с тем же непониманием, а глаза становились все круглее.

– Но... откуда? – произнес он замедленно. – Мы собрали в Армландии всех, кто мог драться!

Я сказал печально и торжественно:

– Пришлось потревожить души древних героев.

Все оцепенели, сэр Клемент смолчал, теперь уже сэр Вайтхолд прошептал пугливо:

– Это то... что я думаю?

– Видимо, – ответил я.

– Вы сумели поднять... мертвецов?

Я поморщился.

– Фу, как грубо. Они не мертвецы, а мертвые. Разница большая, разве не чувствуете? Мертвецы – это всего лишь мертвецы, а мертвые...

Он сказал поспешно:

– Да-да, теперь ощущаю... величие, да, величие!

– Вот-вот, – одобрил я, – а то какой-то вы недостаточно чуткий, вам бы стихи писать да искусством заниматься! А если еще точнее, то даже не мертвые, а погибшие в боях за единую и неделимую Армландию, как вы, конечно же, сразу догадались! За кого еще стоит красиво и с высокими словами на устах гибнуть? И когда я обратился к ним с пламенной речью о патриотизме и наших, на которых подло и предательски напали ненаши, в их пустых головах снова вспыхнула воинская ярость и жажда защитить родную Армландию от коварного внешнего врага.

Виконт Рульф сказал потрясенно:

– Сэр Ричард... вы совершили невероятное!

– Знаю, – согласился я скромно. – Я вообще невероятный. И доблестный, и стратегически образованный. Конечно, было трудно решиться потревожить прах героев, павших за родину, но я подумал, что герои, если надо, падут и еще раз, совершенно бесплатно. И еще много раз сложат головы, даже не спрашивая, зачем и за что, ибо сама природа героизма такова, что ей чужды меркантилизм, мелочная подозрительность и выяснение всяких тонкостей, свойственные занудам и демократам.

Он перекрестился, сэр Каспар шептал побелевшими губами молитвы, а у сэра Вайтхолда вид был таков, что сейчас падет на колени и будет разбивать лбом дорогую малахитовую плитку пола.

Сэр Клемент, как самый повидавший всякое и потому до мозга костей прагматичный, проговорил опасливо:

– А стены...

– Что стены?

– Обрушились, – пояснил он тихонько, – тоже не потому, что их червяки источили?

Я кивнул с одобрением.

– Весьма правильно мыслите, сэр Клемент! В верной, так сказать, горизонтали.

– Значит...

Я сказал строго:

– Не будем зазря тревожить тени павших героев. Достаточно и того, что красиво и гордо вступили в битву с грозными криками и горящими гла... зницами. А кто копал, как копал и что при этом говорил, оставим, как и хотели те, копавшие, остаться безымянными. У нас одна победа, одна на всех, и за ценой не постояти! Заставили противника, а теперь и врага, заплатить ту цену, которую назначили мы!.. Это мужественно и по-рыцарски. Да еще и товар не отдали, это уже плюс политику. Вы знаете, о ком я.

Сэр Вайтхолд чуть пришел в себя, глаза еще дикие, прошептал:

– А как же, о самом замечательном... Господи, спаси и сохрани! Сегодня все бросать и в монастырь бежать или подождать до завтра, чтоб после пира в честь победы?

Сэр Рульф пихнул его в бок и сказал тихонько:

– Я сам о монастыре подумываю. Но давайте все-таки сперва отпируем, потом надо по праву победителей... как я почему-то люблю это занятие, сам не понимаю!.. пограбим местных, что-то спалим и перебьем посуду, а уж потом... чтоб было о чем каяться на зависть остальным, понимаете?

– Понимаю, – ответил сэр Вайтхолд. – Все от зависти перелопачуются!

– Только надо всерьез раскаиваться, – очень серьезно напомнил сэр Клемент, – а то исповедь без раскаяния – хвостовство.

– Причем, – пробормотал Каспар, – наглое.

– Вот с этим трудно, – признался сэр Вайтхолд озабоченно, – но буду стараться... Или еще походить с сэром Ричардом, чтобы уж потом раскаиваться так раскаиваться?

Виконт Каспар сказал надменно:

– Если уж в ад, то в самый нижний круг, где сам Вельзевул!

– Мелкие грешки, – поддержал виконт Рульф, – как-то не по-мужски. Значит, у нас есть шанс выдержать удар поредевшего войска герцога Ярдширского, каким бы великим полководцем он ни был?

Глава 6

Стена провалилась, надо сказать, лучше не придумать, ровно и красиво. Даже не провалилась, а просела в землю, будто в болото, где и осталась, зубцы торчат на уровне пояса, что, понятно, нам не помешало ворваться, но, увы, точно так же не помешает и людям герцога Ярдиширского.

Оставалось убрать только обломки рассыпавшихся башен, а основание для стен есть, всего-то и делов, что нарастить. Раскатившиеся глыбы от разрушенных башен тоже тащили обратно и укладывали в ряд, стена поднимается не такая ровная и выглаженная, как в остальных местах, но все-таки стена.

Горожане трудятся, как муравьи, одни под страхом расправы, другие за щедрую плату, я заявил, что этот труд, хоть и на общее благо, но будет оплачен вдвойне. Главная трудность восстановления в том, что стена просела на приличном отрезке, будто нас в десять раз больше, и всем нужно было попасть в город одновременно, а не друг за другом.

Гонцы то и дело сообщали, что к герцогу стягиваются отряды из местных лордов, а я с тревогой смотрел на восстанавливаемую стену. Пока что ее можно перепрыгнуть с разбегу, но еще ряд таких же камней, и конница остановится. Всадникам придется слезать на землю, и хотя они так же хороши в пешем бою, но ужасающий по силе таранный удар закованных в железо рыцарей на покрытых броней конях будет потерян.

– Еще день, – докладывал сэр Вайтхолд взволнованно, – и герцогу придется искать лестницы!

– Отлично, – сказал я, – но следи, чтобы наши строители не выкинули какое-нибудь коленце.

– Какое?

– Откуда я знаю, – ответил я резонно. – Здесь патриоты, чтоб их черти в аду вилами кололи!

– Наши и сами камни таскают, – заверил он.

– А как город?

– Уже местных привлекли к патрулированию, – сообщил он. – Народ здесь послушный, дисциплинированный.

– С этим осторожнее, – предостерег я. – Нигде я не встречал столько патриотов! Умеет Гиллеберд играть на гордости простого народа. Еще бы высшей расой их объявил...

– Что это?

– Лучше такое не знать, – ответил я. – Вообще-то надо сразу принять превентивные меры. Типа, Господь создал людей, эльфов, гномов, троллей, огров... и сотворил вообще-то равными, но условия среды кое-кому не дали развиваться в полную силу. Потому мы, как христиане, должны смотреть не на пол или расу, а на то, как относится существо к Христу и церкви. Отрицающих отправлять в ад сразу, будь это женщина, эльф или гном, а если принимает и крестится, то даже тролль нам равен, ибо мы братья во Христе...

На лице его было такое жуткое отвращение, что я вздохнул и добавил:

– Конечно, это будет не сразу. Вон то, что Христу было ясно и понятно, и что он пытался другим объяснить, мы терпеливо и гуманно продолжаем втолковывать железом, кровью и кострами тысячи лет.

Вайтхолд проговорил, раздумывая:

– Думаю, тролли примут Христа не быстрее, чем люди...

А виконт Рульф сказал с облегчением:

– Ну, ничего, с этим пусть справляются наши правнуки.

Турнедское войско герцога Ярджирского медленно перешло реку вброд, мы наблюдали со стены, как отряды в полном боевом порядке встали в четверти мили от города. Очень быстро разбили лагерь, поставили три больших шатра, разожгли костры.

Сэр Вайтхолд подгонял рабочих, что готовят для нападающих достойную встречу, остальные взобрались на стены и с почтением рассматривают отборное рыцарское войско, где не только всадники закованы в броню с головы до ног, но даже кони укрыты броней, а сверху еще и расписными попонами.

Самые зоркие наперебой называли девизы и гербы, ими усеяны как знамена, так и плащи, доспехи, щиты, кирасы. Не нашлось сильного зверя или хищной птицы, которых не использовали бы в качестве отличительного знака.

За герцогом постоянно передвигаются знаменосцы с развернутыми полотнищами, ветер треплет неспешно, можно рассмотреть герб короля Гиллеберда, а на другом – герб герцога. Конь под ним весь в составных доспехах, огненные глаза смотрят из-под стального налобника, постоянно фыркает и порывается пойти вскачь, нервное напряжение всадника всегда передается коню.

Сэр Вайтхолд указал на герцога, тот как раз повернулся к нам и внимательно рассматривает то, что мы торопливо возводим на месте рухнувшей стены.

– У него на щите вебрь... Он и похож на него. Здоровенный...

Я сказал громко и с оптимизмом:

– Все видят? У нас на трапезу будет вебрь!

Рыцари довольно закричали, острое словцо любят все, а я гордо вскинул меч, арбогастр встал на задние ноги и, красиво вздыбившись, мощно ударил по воздуху копытами, ржанул, и все кони в лагере испуганно затихли.

– И еще одно, – продолжал я громко. – Помните, это теперь наши земли! Те местные лорды, что принесут мне вассальную присягу, останутся на своих местах и сохранят свои владения. Это будет справедливо и по-рыцарски.

Сэр Вайтхолд прокричал:

– Верно! Так всегда делалось!

– Вы вольны захватывать пленных, – напомнил я, – а затем требовать выкуп, это ваше право. Я могу подсказать, что герцог понес огромные потери, но погибли только простые рыцари и простые латники, а почти вся знать во главе с герцогом уцелела благодаря особым доспехам. Вы можете получить богатый выкуп...

Все довольно орали, выкуп – это хороший бонус к победе, только сэр Клемент, ощутив недосказанное, поинтересовался:

– Ваша светлость, но... вы что-то недоговорили?

Все затихли, начали прислушиваться, я сказал вроде бы без желания, но громко и внятно:

– Если знатные противники падут в бою, выкуп вы не получите, это понятно?

Раздались голоса:

– Ну да...

– Конечно...

– Понятно...

– Будем хватать в плен...

Я медленно и веско договорил:

– Правда, останутся без хозяев их замки и земли...

Они замолчали, я пустил Зайчика тихонько вперед. Умным сказано достаточно, меня провожали все еще восторженными криками, но глаза моих доблестных героев становились все задумчивее.

Похоже, у многих мозги трещат от непосильных для героев меча и топора расчетов: что лучше – захватить богатенького барона в плен и получить выкуп или же рассчитывать на освободившиеся после его красивой и доблестной гибели в бою земли?

Тучи ушли к северу, открыв серо-голубое небо. Маленькое желтое солнце светит сильно, горячо и ярко, каждый камешек отбрасывает непривычно черную тень, каждая былинка выделяется четко и резко.

Турнедская конница медленно приблизилась, солнце играет на выпуклых частях доспехов, щитах, шлемах, жутковато поблескивает на остриях копий и обнаженных мечей.

Наши лорды и военачальники наблюдают со стен, отмечая каждое перестроение. Мне показалось, что герцог никак не решит, как атаковать, и атаковать ли вообще.

Надвратная башня наиболее удобное место для наблюдения, я поднялся туда, сразу же ко мне начали стягиваться полководцы нашего крохотного войска.

– Мы примерно знаем, – сказал я, – какими силами располагает герцог. Потому, если демонстрирует ложную атаку здесь, а попытается взобраться на стену с другой стороны, пойдем сразу. У него не столько людей, чтобы разделить на две большие группы, дабы мог начать атаку с двух сторон.

– И все-таки у него побольше, – сказал сэр Вайтхолд тревожно.

– И он у себя дома, – добавил сэр Геллермин.

– Зато нам проще отбиваться, – возразил я. – Шансы не то что равны, но у нас получше. А пока он набирает достаточное войско, подойдет Фальстронг. Или Барбаросса.

– Или Найтингейл, – сказал виконт Рульф и сам заржал. – Да герцогу надо торопиться! Иначе и стену выстроим, и союзники подоспеют.

Сэр Клемент доложил деловито:

– Я поставил людей на башнях. В случае появления противника с другой стороны, предупредят.

– На стенах только свои? – спросил я. – А то предатели могут сбросить им веревки.

– Нас достаточно, – заверил он, – чтобы охранять стену по всему периметру.

– Не охранять, – уточнил я невесело, – а только понять, где он собирается нанести основной удар!

Он нехотя кивнул:

– Да, ваша светлость. Но в этом случае мы успеем туда перекинуть людей. А начинать атаку в двух местах, как вы только что сказали, у герцога самого людей не хватает.

Я пристально всматривался в конницу противника, что то выдвигается вперед, то отступает, выпуская вперед пехотные части. Герцог ведет себя, как интеллигент, колеблется и никак не может выбрать, то ли сунуться в пролом, где как раз и ждем, то ли попытаться, используя нашу малочисленность, взобраться в другом месте.

Сейчас вот герцог смотрит и понимает, что если бы в город мы ворвались через пролом, то за эти дни успели бы заделать, однако стена рухнула на слишком уж большом протяжении. Все, что удалось, это поднять ее почти на высоту человеческого роста, однако такую можно перепрыгнуть с разбегу.

Еще прямо на этих камнях, где даже не успел застыть раствор, видна хлипкая баррикада из досок, задержит нападающих разве что на несколько секунд... Правда, лучники и арбалетчики за это время успеют поразить несколько человек насмерть, а еще многих ранят...

Значит, надо успеть проскочить это опасное место, куда будет направлен убийственный град стрел, как можно быстрее. А там, в городе, где и стены помогают, чужакам придется плохо.

Сэр Вайтхолд рядом со мной возбужденно взвизгнул:

– Пошли!.. Сюда пошли!

– Хорошо, – сказал я с облегчением, – не помогла ему мудрость полководца. Горячие головы обвинили в трусости и потребовали лобовую атаку...

Он хмыкнул.

– Откуда знаете?

– Да вот знаю, – ответил я горько. – Все вы герои.

Он ухмыльнулся с неловкостью.

– Мужчины всегда страшатся показаться трусами.

Я подал знак ожидавшим внизу Клементу и виконту Каспару, у них самые умелые и лютые бойцы. Лицо мое мужественно и полно ликования, а как же, нас ждет упоение в бою... Но, странно, в самом деле сердце стучит часто и яростно, уже ржет и роет землю копытом, раздувает ноздри, и мой мудрый мозг сопит в тряпочку и, соглашатель чертов, заискивающе говорит скороговоркой, что да, конечно, надо личным примером, мы же с народом, народу это нравится, надо быть к нему ближе...

Издали донесся глухой рев, нестройный и дикий. Конница осталась на месте, а в нашу сторону к пролому ринулись пехотные части, все с грозным криком, потрясая над головой мечами и топорами, что вообще-то глупо, но способно уstrasшить тех, у кого их нет.

Сэр Вайтхолд сказал раздраженно:

– Пустил вперед простолюдинов!

– Осторожный, – заметил виконт Рульф. – Хочет понять, что у нас в запасе.

– С его светлостью каждый станет осторожным, – подхалимски сказал сэр Вайтхолд.

Я крикнул:

– Арбалетчики... не стрелять!

– Ваша светлость?

– Его армию истребили лучники, – объяснил я. – Пусть думает, что у нас, кроме них, ничего нет.

– Как ничего? А мечи?

Я отмахнулся.

– Из метательного. Арбалеты пока не показываем. Конечно, они знают, что у нас есть, но сколько...

– Понятно, – сказал он, – задействуем, когда пойдут рыцари и тяжелая пехота?

– Верно мыслите, барон.

– Спасибо, ваша светлость!

Пешие добежали до той черты, куда достанут стрелы, за моей спиной послышались частые щелчки, воздух наполнился зловещим свистом. Туча стрел на миг бросила на землю странную тень, словно отблеск солнца на бегущей воде, а затем атакующие стали падать, раскачиваться на ходу, а победный крик, что должен был заморозить в наших жилах кровь, быстро слабел, пока не превратился в хриплый крик боли и ярости.

До низкой стены добежало меньше половины, там их встретила плотная щетина выставленных копий, а топоры на длинных ручках страшно и точно били по головам.

Уцелевшие повернули и бросились обратно, но лучники ликующе засыпали их стрелами, простолюдины не понимают, почему нельзя или хотя бы не совсем хорошо стрелять в спины.

– Ого, – вскрикнул сэр Вайтхолд, – ваша светлость, взгляните!

Слева от бегущих ратников несколько человек стараются не отстать, держа в руках лестницы, их прикрывают щитами справа и слева рослые воины.

Я командовал резко:

– Лучники! Этих – в первую очередь!

– Неужели, – пробормотал сэр Вайтхолд в невольном страхе, – и у герцога что-то в рукаве?

– Он не мог успеть собрать большую армию, – возразил я, но без особой уверенности. – Со временем собрал бы, конечно... но нас всех поджигает время. Мы не успеваем восстановить стену, а ему позарез нужно отбить столицу до подхода войск Фальстронга!

- Будем надеяться, – сказал он. – Я пошел вниз.
- Удержите наступающую пехоту, – велел я. – Когда пойдут рыцари, я спущусь к вам.
- Это будет битва, – сказал он мечтательно. – Удерживать захваченную у врага столицу – об этом сложат легенды! Даже если красиво погибнем...
- Враги погибнут, – уточнил я. – А мы прочтем над их могилами молитву.
- Да, – подтвердил он с готовностью, – обязательно! А как же!

Я снял лук Арианта и ждал, когда орущая толпа окажется в пределах досягаемости, а затем мои руки как будто сами по себе, быстро и без лишних движений начали хватать стрелы, класть на тетиву и, натянув рывком, тут же отпускать.

Защитники стен стреляют непрерывно, мои стрелы потерялись в общем рое, бегущие падают, продолжая кричать, впереди у них трое в кольчугах и глубоких шлемах, стрелы отскакивают от них, как от каменных стен.

Внизу кто-то истошно заорал: «Заговоренные!» Сэр Вайтхолд, сверху странно раскоряченный, выхватил меч и стал ждать, когда враг перевалит на эту сторону.

К нему подбежали сэр Геллермин и виконт Рульф, сзади с копьями выстроились наиболее рослые воины.

– Конница пошла!

Со стены вниз ринулся барон Саммерсет, суровый и собранный, за ним двое его младших командиров, а их люди, закрывшись щитами, молча и неподвижно ждут в трехстах шагах от места схватки.

Конница двигалась тяжелым шагом, тяжелые кони всегда разгоняются медленно, но потом их не остановить, удар бронированного кулака страшен, я затаил дыхание и вытащил из складок плаща свой арбалет, однако всадники замедлили ход и остановились на том рассчитанном расстоянии, чтобы со стен не достали их стрелами.

Я снова взялся за лук Арианта, из-за всадников выбежали пешие, в руках объемные вязанки хвороста, понеслись со всех ног в нашу сторону.

Внизу сэр Вайтхолд закричал:

– Ну, гады!.. Додумались... Приготовиться к бою!

Громко и страшно прокричал виконт Каспар:

– Лучники!..

Первый залп его диких горцев вышел дружным, многие из бегущих упали, но дальше лучники стреляли каждый со своей скоростью. Пешие турнедцы выставили перед собой вязанки, я видел, как стрелы с силой бьют в эти пучки и бессильно застревают, но иногда бегущие с криком бросают ношу, а то и вовсе падают, роняя вязанки, и становятся видны торчащие в них стрелы.

Добежав до стены, бросили под нее хворост и, мигом развернувшись, понеслись еще быстрее обратно. Разозленные лучники безжалостно стреляли в спины. Второй раз пешим турнедцам рисковать не пришлось, вязанок хватило почти до самого верха нашей стены, и, если не считать загородки из досок, путь в город открыт.

Рыцари опустили копья, выставив их перед собой, пустили коней рысью, а затем перешли в галоп. Сэр Вайтхолд внизу орал и возбужденно размахивал обнаженным мечом, земля уже дрожит и стонет под тяжелой конницей, прекрасное зрелище, хотя это враги и стремятся убить нас, но все-таки красиво.

Не доезжая до стены, рыцари поспешно соскакивали на землю и, обнажив мечи, бежали по вязанкам. Кое-кто падал, теряя равновесие, но мчавшийся впереди молодой рыцарь в дорожных доспехах со львом на груди с такой силой ударился грудью в хлипкую баррикаду, что доски затрещали и переломились.

Он закричал победно и сделал шаг на эту сторону, однако три болта ударили в грудь, он упал вниз лицом и выронил меч.

Пока рыцари победно разбивали деревянную перегородку по всей ее длине, еще несколько десятков человек пало от стрел, затем я услышал треск, радостный вой. Дерево разлетелось в щепки, турнедцы ворвались, ошестинясь мечами и топорами.

Глава 7

Наши рыцари дрались в переднем ряду, лучники продолжали расстреливать нападавших. Трое турнедцев в странно поблескивающих синими кольцами кольчугах, подбадривая своих криками, пробивались вперед, мощными ударами повергая под ноги даже рыцарей.

Я сцепил зубы, выхватил арбалет и, прицелившись в самого рослого, нажал на спусковую скобу. Болт ударил в грудь, несчастного швырнуло на землю с такой силой, что он ударился и застыл, раскинув руки. Кто-то из ратников ногой сбил с него шлем и с хэканьем ударил топором по затылку.

Острое лезвие рассекло череп, как дыню, а победитель ликующе заорал:

– В головы бейте!.. В головы!..

Я успел заметить, что даже мой болт не пробил зачарованную кольчугу, но наверняка сломал кости и повредил внутренности.

Двое в таких же кольчугах дрались яростно, вместе с ними продвигается в глубь нашей обороны не меньше сотни ратников. Я снова быстро натянул тетиву, но с башни донесся тонкий крик:

– Конница!.. Конница пошла!

Я развернулся в сторону лагеря герцога. Рыцарский клин, выставив перед собой копья, несется красиво и мощно, земля начала подрагивать, донесся грозный гул. Всадники все в сияющих под солнцем доспехах, над ними трепещут красочные знамена, кони покрыты кольчужными сетками, а сверху еще и цветными попонами, закрывающими конские ноги до колен.

Рядом со мной оставался только виконт Каспар Волсингейн, он хлопал себя по железным бокам то ли в восторге, то ли в негодовании.

– Они что, перепрыгнуть решили?

Мне такая ужасающая мысль тоже пришла в голову, если еще и сумеют прорваться в город, будет разгром, все-таки их больше втрое, да еще население на их стороне...

– Пусть попробуют! – заорал я.

– Тогда мое время, – бросил он кратко.

Вниз по каменным ступенькам он ринулся так торопливо, что споткнулся и загремел доспехами по камням, но когда скатился до самого низа, вскочил и бросился к пролому.

Я взял на прицел скачущего впереди гиганта, настоящее чудовище, он уже наклонился вперед с таким видом, что собственной головой пробьет стену...

Болт сорвался с ложа с легким толчком. Я целился в щит и попал в самую середину. Всадника выбросило из седла, будто он на полном скаку налетел на дверную перекладину.

Конь пробежал чуть и начал останавливаться, мешая другим. Я выстрелил еще трижды, убрал арбалет и с обнаженным мечом сбежал вниз, стараясь не повторить подвиг чересчур быстрого виконта.

Турнедские рыцари уже ворвались с грозным кличем, от которого в самом деле подрагивают колени. Наши сперва заученно отступали, а потом разом бросились в разные стороны.

Впереди, потеряв коня, с обнаженным мечом бежал сам герцог, командующий королевскими войсками.

Я крикнул:

– Не желаете скрестить оружие, сэр Кристофер?

Он оглянулся, я увидел на его лице мучительное желание вступить в поединок, однако долг военачальника заставил прокричать:

– Сперва – город!

– Пожалее! – прокричал я.

Он не ответил, группа его тяжеловооруженных рыцарей тесной толпой устремилась через пролом, они стремительно пробежали отмеренную нами сотню шагов... раздался треск, земля под ними просела, и все посыпались во вдруг появившуюся яму.

Сзади напирали и не дали остановиться тем, кто пытался задержаться на краю ловушки. С дикими криками валились в эту пропасть, там звенело железо, крики стали душераздирающими.

Рядом со мной сэр Вайтхолд сказал нерешительно:

– Как-то не по-рыцарски...

– Нам нужна победа, – ответил я. – И за ценой не постоим, пусть платят, сколько запросим.

В яму продолжали валиться и валиться, я уже начал опасаться, что мы за ночь вырыли недостаточно, вот-вот начнут вылезать, если кто остался непокаленным и незадавленным, наконец сзади остановились, однако к нашим лучникам присоединились дотолпе молчаливые арбалетчики и теперь расстреливали замерших от неожиданности, как на учебном дворе.

Наконец турнедцы поняли, что между нашей наспех построенной баррикадой и ямой мы оставили около сотни шагов, чтобы перескочившие успели набрать разгон. Да и тем задним, что не упали, обратно не выскочить так же просто, как перемахнули на эту сторону – наши ратники всю ночь копали землю вдоль стены. С этой стороны уже в полтора человеческого роста, это ненамного выше, чем с внешней, но закованному в тяжелые доспехи рыцарю не выбраться так вот с ходу.

Сэр Каспар закричал во весь голос:

– Арбалетчики!

С той стороны из-за каменного укрытия поднялись в блестящих шлемах крепкие коренастые парни в кожаных доспехах. Приклады уже прижаты к плечам, короткие щелчки слились в сплошной неприятный шорох, и тут же разом все исчезли за глыбами, наклонившись, чтобы обеими руками натянуть тугую тетиву.

Из ямы тянутся руки, рыцари начали вытаскивать попавших в ловушку товарищей, рядом сэр Вайтхолд прокричал с болью:

– Не могу видеть, как стреляют в спины!

– И не надо, – ответил я, – это неблагоприятно.

– Спасибо, сэр Ричард...

Я повернулся к арбалетчикам:

– Но вы, ребята, можете! Вы – будущее этого мира!

Командир отряда крикнул с готовностью:

– Можем, ваша светлость! Не сумлевайтесь.

– Помните, – сказал я, – простолюдинам рыцари не сдаются! Даже оруженосцам...

Щелчки арбалетов пошли разрозненнее, все с разной скоростью натягивают стальные тетивы, турнедские рыцари продолжали вскрикивать и хвататься за пораженные стальными болтами места.

Кто-то с той стороны прокричал взбешенно:

– Вы не рыцари!.. Страшитесь честной схватки?

Сэр Вайтхолд дернулся в его сторону, но я резко ухватил на плечо.

– Стоять!.. Они вторглись в Армландию вероломно!.. Они все военные преступники, а их король предстанет перед международным рыцарским трибуналом!

Сэр Вайтхолд пожаловался:

– Он меня оскорбил!

– На меня тоже собаки лают, – ответил я, – но не останавливаться же и не бросаться камнями? Так никогда не дойдем до светлого будущего всеобщего гуманизму.

Рыцари на той стороне наконец начали приседать и укрываться за щитами. Сзади набежали ратники с вязанками хвороста, сразу же начали бросать в яму, появились и те, с лестницами, с разбега перебросили их через яму. Первый же воин, поторопившийся пробежать по ней, получил три болта в ноги и один в голову, лестница под ним с треском проломилась, и он с криком рухнул в яму.

Из глубины закричали ободряюще, еще несколько лестниц перебросили, снизу поднялись руки и поддержали, а по перекладинам медленно побежали, с трудом балансируя, закованные в доспехи рыцари.

Арбалетчики, закусив губы, взводили тугие тетивы и, вложив болт в ложбинку, торопливо стреляли в бегущих на них рыцарей. Многие падали в яму, под другими ломались лестницы или перекладины, если их не успевали подпереть из ямы, но некоторые все же добрались до этого края.

Сэр Вайтхолд прокричал зло, арбалетчики торопливо отбежали в стороны, а их загородили наши жаждущие схватки рыцари.

Барон Саммерсет и виконт Рульф разом обнажили мечи, барон закричал счастливо:

– Ну, наконец-то!..

С ними ринулись в схватку еще с десятков их вассалов, остальные угрюмо ждали, укрепив ноги и выбрав боевую стойку. Я молча ругнулся, никакого взаимодействия, каждый сам за себя, все герои, никто не желает делить славу с кем-то еще, эгоисты, вообще-то я сам такой, но я с этим как бы борюсь, особенно с чужим эгоизмом.

В трех шагах от меня командир арбалетчиков, немолодой уже, с хмурым лицом и сдвинутыми над переносицей бровями, мощно натягивает тетиву, дуга трещит, быстро ведет прицелом вслед закованной в дорогие доспехи фигуре и нажимает на спусковую скобу с мстительным огнем в глазах.

Я шагнул к нему и сунул в руку несколько золотых монет. Его глаза расширились при виде такого богатства.

– Ваша светлость...

– В яме герцог, – сказал я негромко, – он не должен оттуда выбраться. Живым.

Он только мгновение смотрел, опешив, затем торопливо сказал:

– Ваша светлость?

– И остальные знатные, – добавил я. – Зато простых воинов можешь не трогать.

Он ответил так же шепотом:

– Будет сделано.

Я кивнул и бросился на помощь к барону Саммерсету. Он неосмотрительно оторвался от своих, сразу трое турнедцев обрушили на него удары мечей и топора.

– Трое на одного? – закричал я. – Какие же вы рыцари?

Они повернулись ко мне, а барон Саммерсет, выказывая готовность войти в светлое будущее с иными понятиями о чести, чем у сэра Вайтхолда, шарахнул одного в затылок.

Я принял на щит удар одного, второго саданул в плечо, тот отшатнулся и зло выругался, на блестящем доспехе появилась безобразная зарубка.

Они насели на меня вдвоем, я защищался легко, не забывая смотреть по сторонам, затем ударил одного краем щита в забрало шлема, а на второго обрушил тяжелый удар мечом.

Оба рухнули, я бросил арбалетчикам:

– Займитесь!

В их руках моментально появились узкие ножи с трехгранными лезвиями, настоящие мизерикордии.

Я кивнул на них вопрошающие взгляды, простолюдины такое понимают быстрее лордов, что меня, как благородного человека, конечно, не красит, однако эта низменность запросов,

назовем ее демократическими ценностями, позволит руководить королевством эффективнее и с меньшими затратами.

Издали, с той стороны стены, донесся далекий крик, радостный и победный.

Барон насторожился.

– Что это?

– Завершение, – ответил я с мрачным удовлетворением. – Конец операции.

– Какой?

– Нашей, – объяснил я. – Это герцог думал, что он ее замыслил и проводит, на самом деле это мы держали все нити!

Он прошептал с суеверным ужасом:

– Ваша светлость...

– Отряды сэра Клемента Фицджеральда, – объяснил я, – скрытно вышли из восточных и западных ворот и с двух сторон ударили по лагерю герцога. В конце концов, там обоз, кони, материальные ценности... Теперь уже наши, понятно, по праву справедливого демократического выбора.

Группой рыцарей герцога, прорвавшейся на эту сторону ценой великих потерь, командует высокий воин с решительными жестами, умело перестраивает, свирепо орет, заставляя укрываться щитами.

– Кто это? – спросил я.

– Зигмунд Лихтенштейн, – ответил виконт Рульф.

– Кто он? – потребовал я.

– Барон из дальних северных областей Турнедо, – сказал он быстро. – С ним его верные вассалы, сыновья, братья, шестеро или семеро дядей...

– Слоны, – сказал я, – а не люди.

– У него самые крупные владения на севере Турнедо, – сообщил он.

Я вышел вперед и заорал:

– Прекратите! Предлагаю переговоры!..

Не сразу, но схватка затихла, поединщики отступили друг от друга, все еще закрываясь щитами и бросая друг на друга ненавидящие взгляды.

Я закричал:

– Герцог погиб!.. И все знатные лорды убиты!.. Но вы сражались настолько доблестно, что я, Ричард Длинные Руки, преклоняюсь перед вашей доблестью и разрешаю уйти.

Со стороны турнедцев вперед шагнул этот самый сэр Зигмунд, в самом деле гигант, с головы до ног в доспехах из металла со знакомым синеватым оттенком, узнаю работу гномов.

– Снова ловушка? – проревел он в ярости.

– Нет, – ответил я честно.

– А почему вдруг?

– Я рыцарь, – ответил я с достоинством. – Ваш герцог, да примет Господь его душу с миром, сам погиб и других погубил, не подумав о том, что за эти несколько дней мы сумеем поставить какие-то ловушки, чтобы компенсировать нашу малочисленность. Но вот вы, сэр Зигмунд, действовали очень решительно и умело. Думаю, если бы повели турнедское войско вы лично, нам пришлось бы намного труднее. Возможно, мы не удержали бы город...

Он слушал все еще с недоверием, но от похвалы выпрямился, расправил плечи, а глаза в прорези шлема гордо блеснули. За его спиной рыцари громко закричали хриплыми голосами, ударили рукоятями мечей и топоров в щиты.

– Ваш лагерь наши люди только что захватили, – сообщил я, – но вам вернут ваших коней и все личные вещи. Я благодарю вас за красивый бой, который вы показали моим рыцарям.

В рядах моих воинов царило замешательство, только сэр Вайтхолд, еще не понимая, зачем я такое говорю, крикнул с задором:

– Слава Ричарду Длинные Руки!.. Слава великому рыцарю!

Воины привычно откликнулись:

– Слава!

– Да здравствует!

– Ура...

– Слава его светлости...

Я вскинул руку, крики умолкли.

– Никто не выстрелит больше, – заверил я. – Вы можете взять с собой раненых. Убитых похороним с воинскими почестями на городском кладбище. Для раненых вам выделяют повозки.

Зигмунд Лихтенштейн отсалютовал мне обнаженным мечом, затем торжественно поклонился.

– Сэр Ричард, – произнес он сильным голосом полководца, – я счастлив, что судьба столкнула меня со столь рыцарственным противником. Мы уходим и сохраним о вас память, как о человеке, кто умеет ценить доблесть и... ценит ее.

Я поклонился в ответ, он сделал знак своим, рыцари повернулись и двинулись через пролом обратно, старательно огибая яму по краю.

– Отправьте, – сказал я сэру Вайтхолду, – наших ратников, пусть помогут им нести раненых.

– Да, ваша светлость! Это очень благородно, ваша светлость!

– Еще бы, – буркнул я, – вы меня еще не знаете, какое я золото...

Из ямы наши воины начали вытаскивать убитых и раненых, помогая людям Зигмунда Лихтенштейна. Из рыцарей в яме осталось в живых не больше десятка, но не все выживут, я позволил положить их на телеги и приготовить к отправке с сэром Зигмундом. Большинство получили сильные ушибы, многие задохнулись под тяжестью обрушившихся сверху закованных в железо тел, почти никто сейчас не мог стоять на ногах.

Сорок три знатных рыцаря, в том числе и герцог, были поднятые наверх уже бездыханными, были положены отдельно на разостланные на земле их дорогие плащи. Священник торопливо прочитал отходную, я тоже склонил голову и громко сказал несколько слов молитвы.

Рядом со мной встал Зигмунд, он то и дело косился на меня в удивлении, еще не встречал человека своего роста, но когда заговорил, голос его был полон почтения:

– Я тронут, сэр Ричард, что вы отдали дань уважения своему противнику. Господь зачтет это на небесах, а здесь, на земле, я скажу откровенно, что хоть мы и противники, но больше всего я предпочел бы стоять с вами на одной стороне.

Я ответил с учтивым поклоном:

– Сэр Зигмунд, как рыцарь рыцарю я заявляю, для меня было честью и удовольствием общаться с вами.

Когда они вернулись в лагерь, где наши уже побывали и кое-что прикарманили, ко мне подошел сэр Клемент, спросил тихонько и с неудовольствием:

– Зачем вы их отпускаете?

– Не хочу терять людей, – ответил я. – Да и какой смысл? Город остался за нами.

– Но все-таки...

Я сказал наставительно:

– Это прекрасные рыцари. Я был бы мелок, если бы не проявил благородство и не отпустил их с почестями. С их стороны остались только лучшие из лучших!

Он с хмурым видом развел руками и отошел в сторону. Зато с другой стороны бочком приблизился командир арбалетчиков, которому я давал деликатное поручение.

– Ваша светлость, – прошептал он, – а что с этими, которых вы отпустили? С оружием, при доспехах... Может быть, устроим им засаду?

Я ответил негромко:

– А пусть едут в свои земли.

Он поклонился и осмелился уточнить:

– Но это же... рыцари?

– И даже знатные, – сказал я, – но их земли, увы, отходят королю Фальстронгу. Вот пусть он с ними и разбирается.

Я увидел, как дрогнули в понимающей улыбке губы сэра Клемента, расслышал, понял, а командир арбалетчиков все еще тугодумно шел рядом, потом на лице начало появляться радостное озарение. Похоже, он готов был сказать, что счастлив служить такому сюзерену, но что-то нехорошее было бы в такой похвале, и я благоразумно ушел вперед.

Глава 8

Взамен уползших туч надвинулись новые, настолько тяжелые, что с треском прогибаются небо, солнце не просто скрылось, а полностью исчезло по ту сторону плотного, как каменная гряда, слоя туч.

Ветер налетел снова, уже злой, погнал перед собой пыль, а следом стремительно надвигалась страшная серая стена ливня. Холодные струи ударили с такой силой, будто не вода, а свинец, моментально по земле побежали мутные потоки, понесли грязь и сор.

Я скомандовал:

– Часовым – бдить! Остальные могут укрыться. Но не чересчур!

Ливень, что так долго сдерживался, сейчас обрушил холодную воду не струями, а водопадами. Моментально исчезли стены, пропал весь мир, а человека удавалось увидеть, только если подойдет вплотную.

Я тревожился, не решились бы люди Зигмунда попробовать проникнуть в город, велел перегородить пролом снова и прислушиваться, хотя в страшных тучах молния режет небо зубчатым ножом с такой силой, что гром оставит всех глухими, каждый при таком ударе сверху приседает до самой земли, где стремительно бегущая вода уже совсем скрыла землю.

Одежда под доспехами моментально промокла, жар схватки быстро уходил, я ощутил, что вообще-то холодно. Рыцари выглядят бодрее своего сюзерена, но вряд ли от дождя все в восторге.

Подбежал, пригибаясь на каждом шагу и закрываясь широким щитом, сэр Вайтхолд.

– Хорошо, – прокричал он, – из ямы всех успели вытащить! Даже мертвых...

– Теперь придется везти на кладбище, – крикнул я.

– Вы хотели оставить их там?

– Почему нет? Было бы приметное и памятное место.

Он покачал головой, отблеск молнии бросал на его лицо страшные сполохи, прокричал, болезненно морщась от ужасающего треска над головой:

– Не у всех такие доспехи, как у вас, ваша светлость!

– Прости, – сказал я. – Ты прав, за доспехи герцога и его людей даже наши рыцари полезут в грязную яму с мутной водой...

– Я велю сообщить в городе, – сказал он. – Если найдутся родственники, пусть забирают и хоронят павших героев в своих фамильных склепах. Остальных зароем мы.

– Но доспехи и оружие собери, – предупредил я.

– А как же? – изумился он. – Это боевые трофеи по праву войны! Родня получит раздетые трупы.

– Над каждым вели поставить крест с надписью, – распорядился я. – Все-таки знатные лорды. Если родня возжелает перезахоронить – нам работы меньше.

Он посмотрел с укором.

– Ваша светлость, не становитесь таким хозяйственным.

– Почему?

– Вы же рыцарь!..

– И что?

– Рыцарь не должен быть похож на купца.

Я вздохнул.

– Как вы правы, дорогой друг... Вот только все время помню, что в масштабах королевства потери в экономике всего на процент – снижение валового продукта хрен знает на сколько!

Он посмотрел на меня с испугом.

– Боже правый, чем у вас только голова занята!

– Смотрите и трепещите, – сказал я. – Вот попадете на лестницу, ведущую к власти, посмотрим, какой купец из вас получится!

Он торопливо перекрестился, поплевал через левое плечо, взялся за амулет на шее, а другой рукой свернул кукиш и потыкал в пространство.

Ливень ушел, однако небо осталось низким и тяжелым со свисающей бахромой мокрых туч. Ночь наступила влажная и липкая, я велел пожарче разжечь все камины во дворце, однако сыростью пропитан даже камень стен, мерзко, дождь за окнами то снова начинается, то отступает, перебаты грома медленно уходят к горизонту, затем усиливаются, угрожающе сверкают сквозь толщу туч багровые зарницы...

Последние недели без сна и отдыха наконец-то обрушились, как подтаявший ледник, я добрался до королевских покоев на полусогнутых, рухнул на ложе и тут же, едва опустил голову на подушку, провалился в глубокий сон, как в бездонную пропасть.

Когда поднял тяжелые, как чугуны, веки, в комнате уже светло, за окном блестит умытое солнышко, а у двери беспокойно ерзает в кресле сэр Вайтхолд. Возле него смирный мальчик в придворной одежде, хорошенький и белокурый, с кокетливым золотым поясом, что значит – придворный паж.

Я повернулся и уставился на обоих ошалелыми глазами. В голове еще грохот копыт, воинственные кличи, и хотя уже соображаю, что я вот лежу без штанов, но часть моего сознания еще скачет на коне, визжит и вздымает меч, воодушевляя соратников.

– Сэр Вайтхолд, – сказал я сипло.

Он вскочил и поклонился.

– Ваша светлость...

– Что, – прохрипел я, – уже в самом деле утро?

– Самое настоящее, – похвастался он, словно сам его сотворил. – Полная победа!.. Везде и во всем. Потому вы и вот так наконец-то... как бревно. Наверное, и чувствуете себя им? В самом деле надо отоспаться.

Я смотрел на него, старательно фокусируя взгляд. Побитое в схватках тело просится полежать еще, кровоподтеки сошли, но смертельная усталость еще не выветрилась, затаилась, напоминает, что после такой встряски полдня бы в горячей воде, и чтобы могучие женские руки разминали мышцы и разгоняли кровь.

Он спросил осторожно:

– О чем задумались, ваша светлость?

Я проворчал с тоской:

– Почему я не крокодил?

Он опасливо охнул:

– Зачем это вам?

– Крокодилы даже ходят лёжа...

Он пробормотал:

– Некоторые и вовсе под себя... Может быть, встанете?

Я сполз с ложа, оделся, чувствуя, что сам делаю это быстрее, чем когда меня одевают двенадцать допущенных в королевские покои вельмож.

– Как хорошо...

Он спросил с подозрением:

– Что?

– Одеваться самому, – пробормотал я. – Мальчик, застегни мне сзади!.. И подай перевязь. Пояс затяни потуже... Теперь шляпу... Сэр Вайтхолд, в Геннегау с меня даже штаны снимали придворные!

Он спросил с неловкостью:

– Да?.. Гм...

– Это у них такая обязанность, – пояснил я сварливо. – Не опускайте глазки, тоже мне, стыдно ему за лорда! Обычай такой, королей одевают и раздевают, это такая привилегия, за нее морды друг другу бьют.

Он взглянул остро.

– К счастью, вы не король.

– Может быть, – ответил я сердито, – но корона была в моих руках, я ее уже почти примерил...

– Все, – сказал он благочестиво и перекрестился, – что Господь делает, он делает к лучшему. Хотя и непонятно.

Я подумал, кивнул.

– Да вроде бы что-то проступает в тумане. Но, вы правы, непонятно, что с этим делать. Все мои планы были связаны с Сен-Мари. Про Армландию, честно говоря, совсем забыл. Тем более не думал ни о каком Турнедо, будь оно неладно.

Мальчик учтиво и как-то особенно красиво распахнул перед нами двери, мы перешли в кабинет. Через несколько минут туда начали стягиваться мои военачальники, все какие-то противно бодрые, выпавшиеся, с громкими голосами и широкими жестами.

Сэр Вайтхолд ответил мне с немалым запозданием, но авторитетным голосом:

– Все самое лучшее случается неожиданно.

Сэр Клемент, хотя не слышал, о чем был разговор, счел нужным вежливо уточнить:

– Как и худшее.

– Потому что неожиданные события, – заявил мудрый сэр Вайтхолд, – случаются в нашей жизни намного чаще, чем ожидаемые.

Виконт Каспар посмотрел на него с подозрением в слишком честных глазах.

– Намекаете, что сладкое надо сожрать в первую очередь? Пока не?..

Вайтхолд покосился на него с неудовольствием.

– Это вы чего, шутите так странно? Шутка должна быть смешной и неожиданной, как удар дубиной в темноте!

– Удар дубины в темноте, – сказал сэр Климент задумчиво. – Да, это в самом деле смешно, вы правы... Если в темном переулке вам неожиданно влупят со всей дури ногой в пах, кулаком в живот и палицей по голове, то самое главное – не растеряться, это же шутка, шуточка даже...

– А засмеяться? – спросил барон Саммерсет. – Как вот мы все еще целы, хотя кто думал, что получится вот так?

– Его светлость за всех думала, – авторитетно заявил виконт Рульф. – Ваша светлейшая светлость, столицу мы нагнули, что дальше?

– По сепаратному договору, – объяснил я, – вашему сюзерену принадлежит три четверти этого бывшего королевства. Помимо столицы!.. Вот все эти земли и будем осваивать.

– Это как?

– Бить сваей, – пояснил я. – Несогласных. Долго и больно.

Сэр Клемент пробормотал:

– Ну, долго бить не придется... Если осваивать вашими гуманными методами, чтоб не мучились. Как думаете поступить с освободившимися землями?

– Как и принято, – ответил я. – Я сторонник незыблемости и узаконенной властью священной полезной мне традиций. Замки и земли щедро и безвозмездно раздам своим лояльникам. Мои рыцари получают во владения налаженные хозяйства, где каждый уже знает и делает свою работу, как в поле, так и в замках, где гарнизон блюдет, кухарка готовит, прачка стирает, а жена раздвигает ноги навстречу судьбе.

Он переспросил:

– Простите... жена?

Я посмотрел в удивлении.

– У вас что с ушами? Прочистите. Я же сказал, замок получаете вместе со всем персоналом. Там только хозяин погиб, но остальное уцелело! В том числе и жена. Приезжаете в пожалованный мной от щедрот замок, объявляете себя хозяином, проверяете, все ли на месте: кузнец в кузнице, конюхи в конюшне, повар на кухне, жена в спальне... Конечно, вы вольны любого заменить, в том числе и жену, однако настоящий мужчина не побрезгает ли заниматься такими мелочами? Нам вообще-то по большому счету без разницы, кто там в постели. К тому же не думаю, что предыдущий хозяин был такой уж дурак, чтобы взять уродину.

Он пробормотал в неловкости:

– Оно-то так, но как-то не совсем...

Я пожал плечами.

– Вы вольны выгнать бедную женщину на мороз или отправить милосердно в монастырь.

Он сказал поспешно:

– Нет-нет, я так не сделаю, что вы, ваша светлость!

– Тогда просто принимайте и ее в хозяйстве, – решил я. – Как козу или корову, в зависимости от комплекции. Вам-то какая разница? Думаю, и ей тоже, главное – мужчина в доме. Дело не в жене, как вы понимаете, а чтобы все работало, приносило доход, а налоги в казну выплачивались сполна и вовремя. И тогда прикрою глаза на некоторые мелкие нарушения гражданского процессуального права. Но если налоги не потекут в мой державный карман, я припомню все ущемления свободы слова, коррупцию, недостаточное передвижение капиталов и отсутствие инвестиций.

– А это... что?

– Корабли я строю, – напомнил я сварливо. – Инвестиции необходимы! Я вообще замки, может быть, начну раздавать только при условиях вложения в строительство флота!

Все слушали внимательно и почтительно, только у меня есть размах и даже некоторый опыт, когда стараешься наладить работу в целом королевстве.

Сэр Вайтхолд спросил нерешительно и с надеждой:

– Ну, теперь пир в честь победы?

– Все бы вам пиры, сэр Растер, – ответил я сварливо, – тьфу, сэр Вайтхолд! Простите, очень уж вы как близнецы и братья, я оставил в Сен-Мари замещать себя этого великого героя, что уже стал легендой, специалиста по гарпиям и вообще, он тоже попить любит... Но если так уж невтерпеж, то распорядитесь накрыть столы в большом зале.

– Вы почтите нас присутствием?

– Если мне оставите за столом местечко, – ответил я.

Они ушли шумной гурьбой, все повеселели еще больше, пир – это победа, это признание, это хвастовство подвигами, и если отменить пиры, то половина радости от побед будет потеряна.

Сэр Вайтхолд, как оказалось, не пировать шел, а только проводил всех до двери, закрыл за ними дверь и молча сел на лавку.

Я посмотрел на него хмуро, но с благодарностью.

– Барон?

Он поднялся.

– Ваша светлость?

– Вы правы, – сказал я, – правитель моего ранга не может без личного секретаря, но вы слишком знатный рыцарь, чтобы исполнять такую работу незнатного человека. Другое дело, если сами подберете простолюдина, нужно только очень даже смышленного...

Он сказал просто:

– Местным не доверяю, ваша светлость. А мои воины, даже самые простые, умеют читать только звериные следы в лесу. Придется секретаря либо затребовать из Сен-Мари, либо пока обойдемся своими силами.

– Спасибо за понимание, сэра Вайтхолд, – поблагодарил я. – Пока обойдемся своими. Вот вам перстень Гиллеберда...

Он осторожно принял в обе ладони перстень с королевской печаткой, в глазах немой вопрос, спросил тихо:

– И что...

– Знак высшей власти, – объяснил я. – Будете скреплять документы. Бац – и готово! В горячий сургуч, в смысле. Что делать, пока будем пользоваться трофейным.

Он смотрел с сомнением.

– Этот перстень должен быть на пальце короля...

– Думаю, – успокоил я, – это запасной. Гиллеберд не станет рисковать печатью в единственном экземпляре. Пользуйтесь, сэра Вайтхолд! Те указы, которые издаю лично, именно этим и скрепите. А потом свою создадим...

Он задумчиво рассматривал перстень, по его лицу скользят тени, я почти вижу, как прикидывает разные возможности, а я прислушался к затихающим шагам в коридоре, поднялся из-за стола и осторожно прошелся по кабинету. Затылка то и дело касается предостерегающий холодок, словно за спиной открывается окно в снежную и ветреную зиму. Чувствуется, что Гиллеберд много занимался магией, он сам не преминул похвастаться передо мной еще в мой первый визит к нему. Хотя, возможно, как раз не силен, а создавал видимость?.. Или создавал видимость, чтобы я подумал, будто он не силен?

Сэр Вайтхолд начал посматривать на меня с вопросом в серьезных глазах, но помалкивал. Я наконец спросил резко:

– Здесь есть маги? Колдуны? Чародеи?..

Он ответил с неподвижным лицом:

– При дворе каждого властелина они есть...

– Отыщите, – велел я.

Он снова чуть-чуть наклонил голову, по губам пробежала легкая усмешка.

– Не так уж они и могучи, ваша светлость.

– Проверили?

– Да, – ответил он спокойно, – мои люди перебили их с ходу. Только двое успели оказать сопротивление, сожгли дьявольским огнем четверых... но их самих истыкали стрелами так, что у ежей и то иголок меньше.

Я подумал, спросил с недоверием:

– И это все? Неужели у такого властелина, как Гиллеберд, такие слабые маги?.. Где их помещения?

Он указал кивком на окно.

– Все жили в комнатах при кухне, и только один в башне. Она стоит как бы отдельно, видите?

Глава 9

Башня даже отсюда, из окна, выглядит хмуро и недобро, камень поменял серый цвет гранита на черный и теперь блестит, словно антрацит. Узкая дверь внизу, ни одного окна до самого верха, а там под остроконечным коническим навесом из крашенных досок нечто вроде смотровой площадки.

– Там кто-то есть?

– Дверь заперта, – сообщил сэр Вайтхолд.

– Взломайте!

– Сперва хотели, – ответил он, – но когда увидели, что перед дверью пыли по щиколотку...

Я поколебался, в самом деле, что за дурь несу, озлился на себя, вот и я, как все, сказал резко:

– Ломайте!.. Это может быть простейшая магия, что отводит глаза.

Он пробормотал:

– А на самом деле там может быть протоптанная дорога?.. Сейчас все сделаем...

Он выбежал в коридор, загремело железо, послышались быстрые шаги троих человек. Я выждал, когда все стихнет, снова внимательно осмотрелся. Что-то здесь нехорошо, будто Гиллеберд или кто-то еще наблюдает и ждет удобного момента ударить в спину. Но только сильный маг может убить человека щелчком пальцев, хотя и для этого должен сутки копить мощь, зато десятки слабых в состоянии подобраться незамеченными со спины и ударить острым ножом в незащищенную шею.

Я снова и снова просмотрел кабинет в тепловом, потом запаховом зрении, прошелся вдоль стен и даже ощупал гобелены, везде надежная твердость стен, да и чувствую массивные гранитные глыбы, окна высокие, но узкие, человеку не протиснуться, стол и кресла из дорогого дерева, тяжелые, такие натошак и не сдвинешь.

– Ладно, – пробормотал я, – еще не вечер...

В коридоре шестеро, как я и велел Тэду, все поджарые, бывалые, в руках пики с заточенными, как бритва, остриями, а у двоих обнаженные мечи.

Вместо того чтобы смотреть на меня, тут же начали зыркать по сторонам, не грозит ли сюзерену опасность, готовые и на врага броситься, и своими телами закрыть вождя.

– Спасибо, ребята, – сказал я тепло. – Бдите! Пока что это еще чужой город.

Во всех переходах – стража, ни разу на глаза не попался никто из слуг, везде блестящее железо, обнаженное оружие, грубые мужские голоса и запах крепкого пота, словно иду не по королевскому дворцу, а по солдатской казарме.

Внизу в холле воины находятся даже возле окон, будто дворец вот-вот атакуют, но бережного Бог бережет, излишняя осторожность еще никого не убила, а вот беспечность...

Двое тут же подхватили копья и пошли за мной. Во дворе сыро и ветрено, хотя это замечаю только я, на дальнем конце двора у черной башни колдуна с десятков воинов во главе с сэром Вайтхолдом наблюдают за верзилой, что с громкими выдохами рубит огромным топором дверь.

Металлические полосы уже перерублены и загибаются кольцами, щепки летят, как брызги воды, по которой бьют большой палкой, однако лица наблюдающих что-то мрачные...

Я подошел, присмотрелся, так и есть, щепки летят, дверь изрублена, однако... изрублена, изрублена, но никак острие тяжелого топора не прорубит эти доски, уже и бревна бы перерубил, но пока зарубки не глубже мизинца...

Кто-то сказал наконец зло:

– Магия, черт бы его побрал!.. Надо священника звать.

– Если маг силен, – возразил кто-то, – то простой не поможет. Нужно епископа...

– А где его взять?

– И я о том же...

Разговоры прервались, когда я подошел ближе, протянул руку к хозяину топора.

– А по петлям не пробовал?

Он сказал поспешно:

– Нет, ваша светлость. Мы всегда прямо в середку...

Кончики моих пальцев не успели коснуться топорика, как дверь дрогнула и распахнулась. Все ахнули и отступили разом, как один человек, а верзила с топором сказал сокрушенно:

– Вот что значит лорд... ему даже дверь кланяется!

Я осторожно ступил внутрь, темные стертые ступени винтообразно ведут вверх, я шел неспешно, прислушиваясь настороженно. Чувство опасности молчит, сверху едва слышно тянет кисловатым запахом, стены сухие, но с заметными пятнами копоти, на стенах кое-где потеки и наплывы, будто гранит в этих местах превращался на время в жидкую глину.

Наконец за поворотом лестницы открылась дверь, а не люк в потолке, как я почему-то ждал. Простая дверь, хотя когда я протянул руку к ручке, ощутил нечто, как бы сказать, неосязаемое, эфемерное, но пославшее тревожный сигнал вдоль позвоночника.

Из-под двери в узкую щель просачивается легенький дымок, но пахнет привычно горьковато.

Я с силой толкнул дверь и приготовился отпрыгнуть, если что и где, однако в заставленной довольно тесной комнате из-за стола с ретортами и тиглями быстро вышел немолодой мужчина с короткими седеющими волосами и очень живыми глазами.

– Ваша светлость, – произнес он со всем почтением и низко поклонился, – я к вашим услугам...

Я остановился на пороге, рассматривая его и эту лабораторию, довольно типичную с виду, хотя что-то здесь неприятное, недоброе. Справа и слева массивные двери, хотя, по размерам башни, там могут быть только крохотные комнатки. Странный запах, я бы назвал его трупным, но здесь все чисто, раскопанных могил нет. Правда, на полке целый ряд черепов, и последние два – свежие, еще теплые, как будто еще сегодня их долго вываривали, освобождая от остатков мяса.

– Некромант? – спросил я в упор.

Он вздрогнул, съежился, улыбка стала искательной.

– Ваша светлость, – сказал он торопливо, – я исследователь! В мире столько тайн, разве вы не хотите стать еще могущественнее?

Я кивнул.

– Хочу.

– Вот я и добиваюсь...

– Чего? – спросил я. – И откуда планируешь черпать мощь?

Он сказал быстро и заискивающе:

– В древности людей наполнили магической мощью! Уж не знаю как, но они тогда могли двигать горами. И хотя те люди давно умерли, но мощь жила и пробуждалась в детях, все были магами, все!.. даже великими магами, господин. Это были великие времена, великие эпохи, от которых не осталось даже воспоминаний... Потом Великие Войны, люди дичали, магическая мощь никуда не исчезла, но уже никто не знал, как ее извлечь и как использовать...

Я пробормотал:

– Интересная идея...

Он воскликнул:

– Это не идея!.. Я сумел найти подтверждение!

Я посмотрел на полку со свежевываренными черепами.

– С их помощью?

Он отмахнулся.

– Господин, это преступники, приговоренные к смерти. Воры, убийцы, разбойники. Его Величество милостиво разрешил мне брать их для исследований.

Я сказал со странным чувством, сам еще не зная, одобряю такое или нет:

– Хозяйственный Гиллеберд... У него ничего не пропадает, верно?

Он сказал все так же торопливо:

– Они творили зло всю жизнь, так пусть хоть смертью послужат людям!

– Хороший принцип, – согласился я, он несколько приободрился, но я уточнил: – А люди – это ты?

Он заискивающе улыбнулся.

– В первую очередь – Его Величество король Гиллеберд Фруассар, а затем уже я, мелкая сошка... но теперь вы, ваша светлость, мой господин!

– И каковы успехи? – поинтересовался я.

Он заулыбался, я знаю эту улыбку, с нею слабые врут сильному, но в этой есть нечто еще, я всмотрелся и понял, что это «нечто» – презрение к людям с мечами, у него есть нечто помощнее, только бережет на крайний случай...

– Успехи просто невероятные, – ответил он приподнято. – Удалось нащупать один из путей, которым можно добывать магическую мощь из человека.

– Ого! – сказал я. – Что, из любого?

Он кивнул, но поспешно уточнил:

– Из любого, однако пока только крохотную часть, ваша светлость! А остальное море... как жаль!.. пропадает. И очень трудно пока доставать то, что удастся... Но работаю над этим, ваша светлость!.. Скоро найду путь, чтобы из каждого добывать хотя бы вдвое больше...

Он чуть увлекся, глаза блеснули дьявольской гордыней. Я на краткий миг в некоем озарении увидел, как горят города и села, а он в виде огромного огнедышащего дракона летит, широко раскинув крылья, поглощает энергию сжигаемых им людей и становится все сильнее и сильнее...

На моем лице или в глазах что-то изменилось, он прервал себя на полуслове, поежился, сказал просительно:

– Ваша светлость...

Я проговорил медленно, не давая ему взглянуть мне глаза:

– Говоришь, вдвое больше...

– Для первого шага, – выкрикнул он быстро. – Дальше смогу вдесятеро, в сто раз!.. и наконец, как в те первые времена... всю, полностью, без остатка!..

Я молчал, колеблясь, во всяком случае так это должно выглядеть. На лестнице затопали ноги, в дверном проеме появились сэр Вайтхолд, а за ним Альпи и Рамзи, стражники, которых Тэд приставил ходить за мной следом.

Альпи сказал просительно:

– Ваша светлость, мы забеспокоились...

Я бросил небрежно:

– Вы вовремя. Загляните в те две комнаты, общитесь там, если понадобится.

Сэр Вайтхолд проговорил обеспокоенно:

– Ваша светлость...

– Выполняйте, – велел я резко.

Он кивнул, махнул рукой стражам, и они ушли, а сам он сунулся в другую комнату.

В глазах некроманта ничего не менялось, я понял, что в кладовках компромата уже нет.

– Обо всем, – сказал я строго, но понизил голос, чтобы не слышали мои люди, – докладывать мне лично, понял?.. Не сам, я не хочу, чтобы тебя видели в моих покоях.

Он сказал быстро:

– Я могу посылать сову с запиской. Но могу даже сам под покровом незримости...

Я поморщился.

– Амулеты против незримости есть не только у меня. Лучше уж сову.

– Как скажете, ваша светлость!

Я пошел было к лестнице, но у порога, словно что-то вспомнив, повернулся и посмотрел на него грозно, как волк на ягненка.

– И еще... Только преступников, понял? А то, уверен, ты их семьи тоже... Детей не смей трогать!

Он торопливо поклонился.

– Да, ваша светлость! Как скажете, ваша светлость! Все выполню, ваша светлость!

Я кивнул и пошел вниз, пахнет сыростью, флаги трепещут так, что гнутся древки, в небе быстро бегут от края к краю лохматые тучи. Во дворе меня догнали Альпи и Рамзи, оба сообщили, что в кладовках ничего особенного, кроме старого хлама, ценных вещей нет, а что там колдовское, а что нет, он и сам уже вряд ли помнит.

Посреди двора встретили виконт Каспар Волсингейн и барон Саммерсет, оба недовольные, Каспар заметил почтительно:

– Ваша светлость, вообще-то не стоит одному вообще никуда. Для того и создана охрана для персон.

– Тем более, – договорил барон, – где еще не бывали.

Оба поглядывали на моих стражей, я понял, что в мое отсутствие допросят их основательно, поморщился.

– Не перегибайте, барон. Кто мог противиться – противился, и мы эту проблему... решили.

– Мало не покажется, – согласился он, – но береженого Бог бережет.

Он посматривал вопросительно, не решаясь спросить в лоб, деликатный, я поморщился, но пока еще не восточный деспот, у нас демократия, сеньор требует повиновения, но и сам должен отчитываться, иначе вступает в силу право не повиноваться.

– Пусть торчит приманкой, – прошептал я ему. – Только никому, а то колдун может расслышать и шепот!

Его глаза расширились, потом заблестели восторгом, торопливо кивнул, на лице такое выражение, что я убрал руку за спину, как бы не бросился целовать и просить прощение за минуту сомнения в таком проницательном и хитроумном гаде.

В самом деле гад, мелькнуло у меня. Я даже не поморщился, когда говорил с некромантом, словно и в самом деле готов...

Он в самом деле мог бы переметнуться на мою сторону. Новый хозяин дворца показал себя еще круче прежнего, а чтоб этого не случилось, я и добавил такое насчет детей. Теперь некромант подумает хорошенько и останется на стороне короля, тот наверняка позволял расчленять в лаборатории детей преступников, а также всяких беспризорных и брошенных, и вообще требовал только результаты, не допытываясь, сколько пришлось запятать несчастных.

Вообще-то шанс слабый, надежда на то, что либо Гиллеберд явится тайком за магической помощью, либо маг ему подаст весточку, и тот придет неузнанно...

Глава 10

Святой Петр трижды за одну только ночь отказался от Христа, причем – всерьез, но все равно тот поставил его главой церкви. Я для того, чтобы завлечь Гиллеберда, отказываюсь от Христа перед некромантом и намекаю, что паладинство – только прикрытие, а на самом деле я та же сволочь, что и Гиллеберд, только умнее, моложе и амбициознее. Потому служить лучше мне, а не тому старому пердуну...

А во дворце, несмотря на мой приказ бдить и не расслабляться, у наших морды счастливые, еще не осознают, что вообще-то мы влезли в ловушку в том смысле, что да, победители, но если Фальстронг с севера и Барбаросса с юга не подойдут вовремя, этот захваченный город может оказаться мышеловкой.

А пока да, победа блистательная, герцог повергнут, значительных сил в Турнедо поблизости от столицы больше нет. Основное войско под руководством Гиллеберда сковано тяжелыми боями с армией Барбароссы на юге, а на севере страны местные лорды спешно организуют оборону против наступающего Фальстронга.

Еще пару дней, и стену смогут преодолеть только с помощью лестниц, а за неделю-две мы поднимем ее так, словно никакого подземного толчка здесь и не случилось.

Меня потряхивало с немалым запозданием, когда потрясенно понимал, какая дерзостная операция завершилась успешно. Правда, от безысходности чего только не измыслишь, в какую только отчаянную авантюру не влезешь...

Мои рыцари тоже никак не могут поверить в предрезистную победу, но в город толпами вают родственники погибших лордов, им выдаем тела, соболезнуем, однако записываем, кто именно погиб и какими землями владел.

Сэр Вайтхолд подбежал ко мне, непривычно бойкий, в глазах восторг, спросил торопливым шепотом:

– Мы такой огромный ломоть отхватили... Как удержим?

– Выработаем доктрину, – ответил я, – и будем над нею работать.

– Доктрину... Какую?

– Я ее уже выработал, – сообщил я. – Долго ли, умеючи?..

– И, – проговорил он почтительно, стараясь догадаться, что это за доктрина, – какая она?

– Простая, – сообщил я. – Мы должны иметь достаточно мощи, чтобы отразить предательское и ничем не спровоцированное нападение двух соседних королевств на наше мирное население, занятое внедрением демократии в свои и чужие ряды!..

Он подумал, сказал нерешительно:

– Значит ли это, что у нас должна быть армия, равная по мощи двум армиям соседей?

– Разве я не это сказал? – спросил я сварливо.

Он поклонился.

– Простите, но защищаться в крепостях можно и малыми силами.

Я сказал сердито:

– Я говорю, как культурный человек, самое важное не договаривая!.. Культурные люди всегда застенчивые. Как вот я. Конечно же, сэр Вайтхолд, наша армия должна быть по мощи равной и даже чуть более равной... Надеюсь, вы понимаете, о чем я культурно говорю?..

Он сказал с подъемом:

– Да, ваша светлость! Как же я люблю культуру! А правда, что всех, кто против культуры, будем сажать на колья?

– Нет, – ответил я, – это грубо. Только вешать, ничего лишнего. Мы не должны проливать кровь!

– Ах да, – спохватился он, – мы ж гуманисты.

В королевский дворец я вернулся поздно ночью, усталый, грязный, как свинья, измученный до крайности, хотя вроде бы ни с кем не воевал и даже не дрался. Хорошо бы принять ванну, но пока что слуг Бальза сумел собрать только для самых необходимых нужд: кухни, пекарни, конюшни, кузницы, шорницкой, так что либо наливать воду в корыто будешь сам, либо ложишься спать так, нечего разнеживаться, будь мужчиной.

Стражи пока спят в залах и коридорах, нам сейчас важнее безопасность, чем красоты. Я прошел залы и поднимался по лестнице, и на каждом шагу меня ощупывали взглядами, вытягивались и стучали в пол тупыми концами копий, в королевских дворцах так не принято, но здесь пока не королевский дворец, а отбитое у врага и захваченное здание.

Направился было к спальне, но вдруг всплыло воспоминание о тех двух стальных гигантах, что так напугали меня в первый визит к Гиллеберду. Что-то я их не видел еще, а это значит, что они появляются только по приказу Гиллеберда...

Я развернулся и пошел к кабинету, там вытряхнул на стол медный кувшин, до сих пор таскаю за собой, как дурак, не могу расстаться, сделал себе большую кружку горячего сладкого кофе и ухватил ее обеими ладонями.

Краем глаза увидел едва заметное движение, резко развернулся. Кри смотрит с ужасом, брови приподнялись, а рот красиво округлился и стал похож на большую букву О.

– Нет!.. Только не это...

Я проследил за ее взглядом, на середине сверкает вытертыми до блеска боками медный кувшин.

– Что случилось?

Она дрожащим пальцем указала на кувшин.

– Кто тебе это принес?

– Я сам...

– Ты сумасшедший! Выброси! Или спрячь так, чтобы никто не смог отыскать...

Я спросил ошалело:

– Но почему? Что там внутри?

Она начала набирать дыхание для ответа, но так и замерла. Я ощутил некую опасность, быстро огляделся, с пространством что-то творится, резко и неожиданно затрещало, пахнуло озоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.